

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

История боярско-дворянского землевладения в России остается одним из важнейших объектов изучения в отечественной исторической науке уже более полутора столетий. Обострение крестьянского вопроса к середине XIX века выдвинуло на передний план проблемы, связанные с сущностью данного вида собственности на землю, а в послеоктябрьский период указанная проблематика приобрела методологический аспект, и феодальная собственность стала объектом пристального теоретического изучения. В качестве первоочередных рассматривались вопросы, связанные с определением атрибутов феодальной собственности, а также особенностей ее развития в России.

К анализу эволюции дворянской собственности на землю в России в течение 1-й половины XVIII века (в частности к указам 1714, 1730, 1731 гг., проблеме степени свободы отдельного дворянина в вопросе прав распоряжения землей) неоднократно обращались дореволюционные историки. Для авторов было характерно исследование преимущественно юридических аспектов землевладения, стремление объяснить сущность собственности с помощью терминологии современного им гражданского права, противопоставление поместного землевладения как «несвободной собственности» и вотчинного — как «полной». В связи с этим игнорировались аспекты, сближающие их, — то, что как поместье, так и вотчина являлись различными формами феодальной собственности на землю. Так, К.А.Неволинным вотчина определялась как собственность, находящаяся в вечном и потомственном владении, как собственность рода. Поместье же, считал автор, являлось собственностью государя, а помещик рассматривался лишь как «условный владелец» на время службы. С этой точкой зрения соглашался В.И.Сергеевич, подчеркивая, что «до возникновения обязательной службы... государству» вотчинники были «свободными обладателями» своих земель, а право распоряжения ими «не подлежало ... никаким ограничениям» — «вотчины служилых людей признавались их частной собственностью».¹

Значение петровских пунктов 1714 г. в ходе эволюции дворянской собственности четко осознавалось в досоветской историографии. Указывая на данный законодательный акт как на завершающий этап слияния ста-

туса поместья и вотчины, подавляющее большинство историков подчеркивало, что этот процесс начинается еще в XVII веке.² В результате введения в действие петровского указа, а также целого ряда других реформ 1-й четверти XVIII столетия, отмечали исследователи, произошло ограничение свободы распоряжения как вотчинами, так и поместьями. Однако авторы расходились во мнениях о наличии и степени взаимосвязанности служебных обязанностей дворянства и его права владеть землей и крепостными, а как следствие этого, характера ограничений, наложенных на дворянское землевладение петровским законодательством.

Первые (М.Ф.Владимирский-Буданов, К.А.Неволин) утверждали, что в результате введения петровских пунктов поместье было приравнено по статусу к вотчине и передано дворянству «на праве собственности». Владение имением, ошибочно полагали авторы, либо не обуславливалось службой, либо эта связь была номинальной. При рассмотрении ограничений, введенных Петром I в части распоряжения недвижимостью, исследователи необоснованно абсолютизировали чисто фискальные и полицейские интересы государства и игнорировали заинтересованность власти в дворянстве как служилом сословию. Так, подчеркивая ограниченный характер права собственности дворян на землю и одновременно отсутствие связи данных ограничений со службой, Владимирский-Буданов отмечал, что права вотчинников за время царствования Петра I и Анны Иоанновны были «подведены к среднему типу родовой вотчины». Фактически вплоть до эпохи Екатерины II единственным значимым шагом, с точки зрения расширения владельческих прав шляхетства, было «уничтожение... поместного права».³

Взглядов достаточно близких к вышеуказанным придерживались А.Б.Лакиер и М.М.Шульгин. Своеобразие позиций этих исследователей заключалось в том, что они настаивали на большей распространенности частной собственности в России 1-й половины XVIII столетия. Однако применение к отношениям собственности того времени терминологии гражданского права середины — 2-й половины XIX века вряд ли можно признать обоснованным.⁴

Так, А.Б.Лакиер полагал, что частная собственность на недвижимость уже существовала в России в этот период, «но в малом объеме», и образовалась «главным образом» через пожалования государем земель частным лицам, а также «через подтверждение правительством прав... на земли». Ограничения, введенные законодательством Петра I в сфере владения и распоряжения дворянскими имениями, являлись весьма существенными, но, по мнению автора, это служило лишь доказательством того, что «право частной собственности не вполне еще развилось».⁵

М.М.Шульгин еще в большей степени акцентировал внимание на том, что в 1-й половине XVIII века в России «появляется частная [дворянская. — С. Ч.] земельная собственность в точном юридическом смысле этого слова», и к середине века «мы можем считать» этот институт «уже сложившимся». Указ 1714 года, по мнению автора, положил «прочное начало» процессам превращения недвижимого имущества в объект частного права, постепенной утраты служилого характера землевладения, его освобождения от целого ряда «условностей и зависимостей, являвшихся следствием

связи между государственной службой и землевладением». ⁶ Существовавшие ограничения, введенные «под влиянием временных потребностей», «не выходили из рамок земельно-правового режима, основанного на принципе частной собственности», а также «являлись... исключением» и «еще более подчеркивали полноту и независимость дворянской земельной собственности». Констатируя, что период до 1714 г. был эпохой «нормального действия поместной системы», историк относил «окончательное» прекращение поместных раздач ко времени указа 1736 года. Продолжавшиеся после этого земельные пожалования имели, по его мнению, иное значение и были связаны с широким развитием фаворитизма и дворцовыми переворотами. Несмотря на попытки Шульгина рассматривать право дворянства на землю в исследуемый период, как основанное на частной собственности и не обусловленное службой, автору необходимо поставить в заслугу анализ таких аспектов социально-экономической жизни России 1-й половины XVIII века, как сословная обособленность дворян и монополизация дворянством права на землевладение. ⁷ Новым шагом в развитии отечественной историографии был подход Шульгина к вопросу об основных источниках роста дворянского землевладения. Если А.И.Васильчиков считал основной причиной этого пожалования, а Владимирский-Буданов рассматривал в качестве такого фактора сделки между частными лицами, а также частными лицами и казной, то Шульгин отметил, что важную роль в расширении землевладения сословия сыграли захваты пустующих и населенных земель. ⁸

Иная позиция по вопросу о сущности поземельных отношений после введения единонаследия была свойственна ряду других историков (А.И.Васильчиков, А.Д.Градовский, В.И.Сергеевич, В.Е.Якушкин, Н.А.Благовещенский, А.В.Романович-Славатинский). По их мнению, как владение поместное, так и вотчинное были при Петре I непосредственно связаны со службой представителей привилегированного сословия.

А.В.Романович-Славатинский пришел к следующему выводу: поместье и вотчина уже до петровских реформ представляли собой «несвободную земельную собственность», обладание которой было возможно лишь при условии государственной службы. В царствование Петра I и Анны Иоанновны, «окончательно торжествует порядок, который вырабатывался... в XVII столетии — подчинение условиям ограниченного поместного владения... полного и вотчинного». Кроме того, при Петре I землевладение было «весьма ограничено как относительно пользования, так и относительно распоряжения». ⁹ Среди очевидных ошибок Романовича-Славатинского необходимо отметить его мнение о том, что дворянство в течение первой половины столетия находилось «почти в такой же крепостной зависимости от правительства, в какой от него [дворянства. — С. Ч.] крестьяне». ¹⁰ Подобное сопоставление положения привилегированного сословия и статуса крепостного крестьянства не только являлось некорректным, но и мешало установить причины появления и сущность «зависимости» этих сословий.

Весьма близких взглядов по вопросу о статусе дворянской собственности на землю придерживался А.И.Васильчиков, рассматривавший вся-

кое поземельное дворянское владение 1-й половины XVIII века как условное, на которое была «наложена служебная повинность». Однако надлежит поставить под сомнение его утверждение, что вплоть до 1785 г. существовало лишь дворянское право «владения» земель (наследственное, пожизненное или временное), обусловленное службой, и отсутствовало право собственности. Стремясь подчеркнуть решающую роль верховной власти в регулировании земельных отношений в России, автор, тем не менее, значительно ее преувеличивал. Он считал, что статус поместья и вотчины в Московском государстве определялся не «законом или обычаем», а зависел «непосредственно от личной политики или даже от нрава государя». Кроме того, Васильчиковым, как и Романовичем-Славатинским, ошибочно отождествлялись служебные обязанности дворянства с «тяглом» крепостного крестьянства. ¹¹

«Изоброченность» всей земли в России, «крайнее ограничение права распоряжения недвижимостью» в результате действия указа 1714 г. и «умаление вотчинных прав» отмечались также Н.А.Благовещенским и В.И.Сергеевичем. Сходной точки зрения придерживался А.Д.Градовский, расценивая петровские реформы в области земельного права как попытку сближения статуса вотчины и поместья с доминированием черт последнего. ¹²

«Ярким выражением... верховных поземельных прав государства» считал указ 1714 г. В.Е.Якушкин. По его мнению, слияние вотчины и поместья привело к образованию разряда «служилого землевладения», и «вотчины... подлежали почти всем ограничениям, которым подчинялись поместья». Вместе с тем данный процесс имел и обратную сторону, поскольку «помещики освоили себе некоторые из вотчинных прав». Двойственность статуса «недвижимого имения» отметил и В.О.Ключевский, указав среди признаков «нового небывалого вида землевладения» наследственность, неделимость и «вечнообязанность». ¹³

Наиболее общей тенденцией в досоветской историографии дворянского землевладения послепетровского периода следует признать то, что историки рассматривали это время как эпоху укрепления собственнических прав привилегированного сословия на землю, расширения свободы распоряжения имениями и постепенного освобождения дворянства от службы (начала «раскрепощения сословий» ¹⁴). В качестве основных вех этих процессов авторы выделяли указы 1730, 1731 гг., 16 марта 1736 г., манифест 1762 г. и Жалованную грамоту 1785 г. По мнению одних (В.О.Ключевский, К.А.Неволин), процесс эволюции дворянского права на землю к «полной» собственности протекал более быстрыми темпами и завершился после издания указа 1731 г.; ¹⁵ с точки зрения других, он шел менее активно, и «полная» собственность восторжествовала в России в царствование Екатерины II (А.И.Васильчиков, М.М.Богословский, В.И.Сергеевич, В.Е.Якушкин, А.Б.Лакиер, М.Ф.Владимирский-Буданов, А.В.Романович-Славатинский и др.). ¹⁶ Часть вышеупомянутых исследователей, в частности А.И.Васильчиков, В.И.Сергеевич, В.О.Ключевский, необоснованно приравнивали вотчинную собственность к «полной» (частной). ¹⁷

Подавляющее большинство отечественных историков этого периода не акцентировало внимания на причинах эволюции дворянского земле-

владения в послепетровское время. Данный процесс представлялся лишь следствием ряда законодательных актов. В отдельных случаях постепенное расширение прав дворянства в вопросе распоряжения землей и освобождение от обязательной службы рассматривались либо как естественный этап «раскрепощения сословий», либо как меры, предпринятые правительством под влиянием дворянства (недовольство единонаследием, тяготами обязательной службы и т.д.¹⁸). Отличная от вышеуказанных точка зрения была высказана В.О.Ключевским. Не отрицая того, что настроения привилегированного сословия оказывали влияние на правительственную политику, он указал в качестве одной из причин расширения дворянского права на владение и распоряжение недвижимым имуществом в 30–60-х гг. XVIII века (в том числе и крепостным населением вотчин) чисто фискальные интересы казны, связанные со стремлением «бездоимочного» сбора подушной подати. Однако вряд ли возможно полностью согласиться с мнением автора, что «на деле эти сословные привилегии были правительственными полномочиями, даже не связанными с правом земельной собственности..., и само право дворянской собственности поглощалось этими полномочиями, претворяясь из института гражданского права в государственное учреждение».¹⁹

В числе ключевых направлений развития отечественной историографии XIX – начала XX вв. было изучение попыток проведения Генерального межевания. Большинство авторов указывало, что основной целью межеваний XVIII века являлась необходимость разграничения спорных владений.²⁰ Один из ведущих исследователей межевого дела И.Е.Герман утверждал, что его уровень в XVIII веке оставался практически тем же, что и в предшествующем столетии. Автор предполагал, что основными причинами провала аннинского межевания явились недостаток средств, межевщиков, их необученность, а также трудности в составлении писцового наказа применительно к новым условиям землевладения. Практически тот же перечень причин приводится М.М.Шульгиным. Значительные изменения, которые претерпело землевладение с конца XVII века, являлись основной причиной того, что Межевая инструкция не была составлена, и по мнению К.А.Неволина.²¹

Межевание 50-х – начала 60-х гг. XVIII века исследовалось более подробно. Так, И.Е.Германом и К.А.Неволиным были указаны источники составления Межевой инструкции 1754 года: Уложение 1649 г., Писцовые наказы, в первую очередь, 1684 г., Инструкция 1731 г., а также материалы частных межеваний. Среди важнейших причин неудачи межевания авторами выделялись: принцип ревизии и редукции, которого придерживалось правительство, и как следствие – столкновение земельных прав государства с давностью владения частных лиц, сыск и раздел «по способности» примерных земель, а также обязательное размежевание общих и чересполосных дач. Первая из этих причин также называлась П.И.Ивановым, а В.О.Ключевский и К.А.Неволин говорили о том, что проведение в жизнь принципов межевания привело к противодействию владельцев и многочисленным тяжбам. С.М.Соловьев выделял в качестве главной причины прекращения межевания его финансо-

вую необеспеченность. По мнению другого исследователя – М.М.Шульгина – правительственное мероприятие потерпело неудачу из-за перенесения в условия нового земельного порядка, под которым он понимал преобладание частной собственности, старого принципа писцовых межеваний – ревизии и редукции, что не соответствовало интересам дворянства и привело к сопротивлению межеванию. Вопрос о примерных землях, как считал автор, был решен более удовлетворительно. Тем не менее историк обращал внимание на трудность изъятия примерных земель и несоответствие данного стремления правительства новому земельному порядку, поскольку отсутствовала служба по земле, а следовательно – государственный поместный фонд. Несмотря на то, что распределение примерных земель в соответствии с числом душ было в интересах сословия в целом, тем не менее, справедливо отмечал Шульгин, это ущемляло индивидуальные интересы дворян, во владении которых эти земли издавна состояли. К числу ошибок правительства, по мнению автора, также относились невозможное с чисто технической точки зрения обязательное разверстание общих и чересполосных владений и громоздкость аппарата межевания.²²

Важнейшими итогами развития отечественной исторической науки в дооктябрьский период в части анализа проблем, связанных с изучением сущности и эволюции дворянской поземельной собственности, стали следующие. Исследователями было введено в оборот значительное число источников, в первую очередь касающихся сферы правового регулирования землевладения, а также межевого дела. Объектом изучения являлись вопросы, связанные с возникновением поместной системы, эволюцией поместья и вотчины, сближением их статуса. Были сделаны выводы об условном и служилом характере поместного владения. Подверглись анализу те аспекты проблемы, которые касались степени взаимосвязи дворянского землевладения и службы привилегированного сословия, верховных собственнических прав власти на дворянскую недвижимость после слияния вотчины и поместья.

Наряду с перечисленными успехами досоветской историографии в изучении юридических аспектов собственности, следует отметить недостаточное внимание исследователей XIX – начала XX вв. к социально-экономической стороне проблемы, в частности взаимоотношениям дворян – землевладельцев и непосредственных производителей – зависимого крестьянства. Это послужило основной причиной того, что выводы о природе феодальной поземельной собственности, ее отличиях от частной, так и не были сделаны.

Вышеуказанные вопросы стали первоочередными объектами изучения в послеоктябрьский период. Однако складывание в СССР 20–30-х гг. тоталитаризма и формирование контроля коммунистической партии над всеми сторонами общественной жизни не могли не сказаться на развитии исторической науки в стране. Идеология оказывала прямое воздействие на содержание исторических исследований, в том числе касавшихся развития феодализма и феодальной собственности. Следование схеме, согласно которой один «общественно-экономический строй» «закономерно» сменял другой, стало обязательным.²³

В качестве примера подобных работ можно привести выдержавший несколько переизданий и допущенный в качестве учебного пособия в вузах труд П.И.Лященко, в котором в соответствии с кратким курсом «Истории ВКП(б)» были обобщены основные характеристики «феодально-крепостнического способа производства». Таковыми считались: господство натурального хозяйства; слабо развитое общественное разделение труда и соединение промышленного труда с земледельческим, который являлся «базисом» производства; собственность феодала на средства производства и «неполная собственность на работника, крепостного» как основа производственных отношений; единоличная собственность непосредственного производителя, на свои орудия производства; экономическое и внеэкономическое принуждение по отношению к крепостному крестьянству. Данные формулировки были явно недостаточны для научного анализа развития докапиталистических обществ. Кроме того, считая крепостничество неотъемлемым признаком феодализма, П.И.Лященко не учитывалось все многообразие форм эксплуатации и зависимости крестьян.²⁴

Несмотря на то, что и после 1956 г. идеология прямо или опосредованно воздействовала на историческую науку в СССР, для этого периода был характерен поиск новых теоретических обобщений.²⁵

Так, касаясь аспектов, связанных с отношением непосредственного производителя к земле и его местом в структуре производства, М.А.Баргом, А.Л.Шапиро, Б.Ф.Поршневым, Л.И.Дембо и др. признавалось, что одной из особенностей феодальной собственности является, по крайней мере, фактическое наделение землей крестьянина, а также личная зависимость последнего от собственника надела (феодала), причем степень этой зависимости, как подчеркивали исследователи, может быть различна.²⁶

А.В.Венедиктовым, Л.И.Дембо, М.В.Колгановым, Б.Ф.Поршневым отмечались такие атрибуты феодальной собственности на землю как сословность, иерархичность, условность. Было обращено внимание на неразрывную связь экономической и политической структур в феодальном обществе и, как следствие этого, слияние частно- и публично-правовых отношений.²⁷ Б.Ф.Поршневым, а также рядом историков более позднего времени (М.А.Барг, Л.В.Данилова) был отмечен тот факт, что при феодализме слияние в руках государства политической власти и верховного права на землю находит свое продолжение в отношениях феодала и «наделенного крестьянина», поскольку последний подвержен вотчинной юрисдикции со стороны землевладельца — помещика.²⁸ Б.Ф.Поршневым, а затем М.А.Баргом были проанализированы два аспекта феодальной земельной собственности: сеньориально-крестьянский и межфеодальный. Был сделан вывод о ее двойственном характере, поскольку по отношению к крестьянским наделам собственность феодалов как с экономической, так и с правовой точек зрения являлась «полной, свободной, неограниченной и безусловной»; если говорить о месте отдельно взятого дворянина в иерархии собственников, то его собственность была ограниченной, условной и т.д. М.А.Барг также отметил, что носителем юридического титула неограниченной и безусловной собственности в фео-

дальном обществе являлась корпорация со-собственников — совокупный «класс феодалов» во главе с монархом.²⁹

Важным шагом в развитии медиэвистики послевоенного времени стали исследования А.Я.Гуревича, который впервые в российской исторической науке подробно проанализировал проблему неземельных феодалов, что позволило преодолеть бытовавшее в отечественной историографии узкое понимание феодала как пожалования исключительно в земельной форме. Он продемонстрировал широкое распространение неземельных феодалов-фьефов в западноевропейском феодальном обществе: доходы разного рода (с торгового места, пошлины, мельничные сборы, сбор угодий и продуктовых платежей с населения без передачи самой земли в собственность получателя пожалования и т.д.), феодалы-должности, юрисдикция, другие верховные права и регалии. Земельные феодалы, как отмечал автор, появились позднее неземельных. Впоследствии эти идеи были развиты М.Б.Свердловым применительно к славянским государствам Восточной Европы.³⁰

Видное место в развитии советской историографии 50–70-х гг. заняло обсуждение проблемы верховной собственности феодального государства на землю. Основным содержанием этой дискуссии стал анализ характера землевладения лично свободного («черного») крестьянства в XVI–XVII веках. Первое направление (И.И.Смирнов, А.И.Копанев, Г.Е.Кочин, Ю.Г.Алексеев, А.Н.Сахаров) поддержало точку зрения о титульном праве собственности монарха на землю при сохранении самоуправления общины и собственности «черных» крестьян с правом свободного распоряжения своими земельными наделами. Другое направление (Л.В.Черепнин, А.Д.Горский, Н.Н.Покровский, С.М.Каштанов, Л.В.Милов) отстаивало наличие верховной собственности государства на землю, иерархической структуры сословного землевладения, включая «черные земли» крестьянских общин, эксплуатировавшихся государством. Исследователи пришли к выводу о единой феодальной сущности вотчинных и государственных повинностей (централизованной ренты).³¹

Анализ специфических черт феодальной собственности привел другого исследователя — А.Л.Шапиро — к выводу, что «феодальной мы должны именовать такую собственность на землю, которая приносит отработочную, продуктовую и денежную ренту». «Находящаяся в собственности получателя этих видов ренты земля, — говорит автор, — используется им своей властью и в своем интересе. В то же время эта земля находится (целиком или частично) во владении крестьян».³²

Рассматривая проблему эволюции феодальной земельной собственности, ряд авторов вполне обоснованно подчеркивали в качестве одного из основных процесс разложения иерархических структур, который выражался в деформации феодальной лестницы на этапе позднего феодализма. Следствием этого являлось постепенное укрепление владельческих прав непосредственных держателей вотчин в ущерб всей иерархии со-собственников, а также усиление владельческих прав верховного собственника — монарха. Подобное мнение, в частности, было высказано М.А.Баргом, А.А.Преображенским, А.В.Венедиктовым.³³ Параллельным

вышеуказанному процессом, отмечали М.А.Барг и А.Л.Шапиро, являлось укрепление суверенитета короны и постепенное освобождение земельной собственности дворянства от публично-правовых функций (суд, полицейские функции и т.д.).³⁴ Констатируя постепенное слияние в руках монарха как прав суверена, так и сюзерена, М.А.Барг согласился с А.Н.Новосельцевым, В.Т.Пашуто и Л.В.Черепниным, которые определяли данную тенденцию как становление государственной формы феодальной собственности. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в восточноевропейских странах. Другой стороной эволюции феодальной собственности на землю (межклассовый аспект) являлось изменение форм ренты: отработочная и продуктовая с течением времени сменяются денежной.³⁵ Однако, как было отмечено Л.В.Миловым, на начальной стадии развития феодализма преобладание той или иной формы ренты было также продиктовано конкретными историческими обстоятельствами.³⁶

Еще одним важным процессом в сфере феодального землевладения в советской историографии считается его постепенное сближение с частной собственностью, что выражалось в первую очередь не в области права, которое остается феодальным, а в экономическом содержании отношений собственности.³⁷ Вместе с тем, подчеркивал Б.Ф.Поршневу, феодальный характер поземельной собственности (и именно в экономическом аспекте данного общественного института) сохраняется до тех пор, пока она используется для барщинной или оброчной эксплуатации «наделенных земель крестьян».³⁸

Исследование социально-экономических основ феодализма и постепенный отход от догматизма сталинской эпохи стали важным фактором в развитии отечественной историографии 2-й половины XX столетия. Тем не менее указанные работы не были свободны от целого ряда ошибочных выводов. Так, П.И.Лященко считал, что в основе «феодального способа производства» лежала «экспроприация земли у непосредственного производителя господствующим классом», в связи с чем крестьянин был «принужден работать на частновладельческой земле».³⁹ Впоследствии данная точка зрения Лященко, фактически игнорировавшая всю сложность феодальных поземельных отношений и сводившая право феодала на землю к «частнособственническому», была справедливо подвергнута критике М.В.Колгановым.⁴⁰ Последний, однако, утверждал, что земля являлась объектом присвоения нескольких субъектов, в том числе и зависимых крестьян. «Положение крестьян, как владельцев земли, — указывал автор, — ничем не отличалось от положения феодалов».⁴¹ Против включения крестьянина в число со-собственников выступил Л.И.Дембо, полагая, что лишь сословие феодалов, получателей феодальной ренты, являлось носителем права земельной собственности (эту позицию поддерживали Б.Ф.Поршневу, А.Н.Новосельцев, В.Т.Пашуто и Л.В.Черепнин⁴²); крестьянские наделы автор называл «держаниями» или «владениями».⁴³

М.В.Колганов отмечал, что базовой правовой категорией в сфере отношений собственности для средневековья было понятие «владение». Вместе с тем он отрицал применимость термина «собственность» к фео-

дальному землевладению. Автор полагал, что «в данном случае мы имеем дело с такого рода поземельными отношениями, когда ни один субъект присвоения земли не являлся собственником, а был всего лишь владельцем».⁴⁴ Тем не менее большинство историков нового времени подчеркивали возможность и необходимость применения к феодальным поземельным отношениям термина «собственность». Отсутствие в феодальном праве четкой границы между «отдельными формами вещно-правового господства» и, как следствие этого, неразработанность юридической терминологии, весьма частая подмена понятия «собственность» термином «владение», по мнению А.В.Венедиктова, имели своей причиной преобладание в феодальном обществе разнообразных форм ограниченной собственности.⁴⁵ К тем же выводам приходили М.А.Барг и Л.В.Данилова.⁴⁶

Сформировавшееся в советской и постсоветской историографии восприятие феодализма достаточно сильно отличается от понимания данного термина в западной медиевистике. Как было показано выше, в соответствии с отечественной историографической традицией последних десятилетий, одним из наиболее существенных признаков феодального общества признается социально-экономическое содержание взаимоотношений землевладельцев (дворянства, церкви, государства) и зависимого крестьянства в процессе производства. Для западной историографии эта особенность средневекового социума не имела сколько-нибудь решающего значения. В XIX столетии (Ф.Гизо, Н.Д.Фюстель де Куланж и др.) здесь сложилось восприятие феодализма как строя, обладающего следующими основными чертами: 1) политическое раздробление государства на множество независимых и полунезависимых владений; 2) система вассалитета; 3) условное землевладение (феоды).⁴⁷ Соответственно область применения термина «феодализм» в значительной степени ограничивалась.

В XX веке эта концепция была развита такими медиевистами как О.Хинтце, Г.Миттайс, М.Блок, Ж. Ле Гофф, Ж.Дюби, О.Бруннер и др.⁴⁸

Феодализм в трактовке О.Хинтце характеризовался единством политической, военной, экономической и социальной организации. Ключевыми признаками феодализма являлись: 1) Иерархическое раздробление верховной власти. 2) Наличие профессионального военного класса, взаимоотношения внутри которого основывались на принципах верности и личного договора. Единство территориального и служилого начала, когда владение землей вассалом обуславливалось его службой сеньору. 3) Формирование сеньориально-крестьянского хозяйства, приносящего военному классу гарантированный доход. По мнению Д.Страйера и Р.Кулборна, феодализм выступал как форма политической организации общества и способ управления в условиях ослабления верховной власти и господства натурального хозяйства. Система личных связей сюзерена и вассала, построенная на взаимных обязанностях по отношению друг к другу, а также феоды, являвшиеся вознаграждением (жалованием) за службу, стали основой феодального общества в условиях слабой централизации.⁴⁹ Весьма близкой является позиция французского исследователя Ж. Ле Гоффа: «Феодализм — это прежде всего система личных связей,

иерархически объединяющих членов высшего слоя общества. Эти связи имели реальную основу — бенефиций, которым сеньор жаловал своего вассала за определенные службы и клятву верности. Феодализм в узком смысле — это оммаж и фьеф. Фьефом чаще всего была земля. Это подводит под феодализм аграрную основу.⁵⁰ Другой видный историк Ж.Дюби, в контексте рассмотрения истории феодальной Франции XI-XIII веков, также обращал внимание на ослабление королевской власти, развитие вассалитета, «предоставление фьефов в обмен на службу», появление замков как символа власти сеньора.⁵¹ С точки зрения М.Блока, феодализм, оформившийся в ряде стран Западной Европы в результате синтеза варварского и античного обществ, характеризовался такими атрибутами как система фьефов, развитый институт вассалитета, сложившийся в условиях раздробления государственной власти, а также господство военного класса и крестьянская зависимость.⁵²

Один из ведущих отечественных медиевистов А.Я.Гуревич в предисловии к переизданию своей классической работы «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе», впервые вышедшей в свет в 1970 году, отметил: «<...> в феодализме я склонен усматривать преимущественно, если не исключительно, западноевропейский феномен». Однако, полемизируя с теми историками, которые сосредоточили свое внимание в первую очередь на северофранцузском материале, он подчеркивал расплывчатость и нечеткость понятия «феодализм», поскольку термин *feodalite* был введен в XVII-XVIII вв., то есть лишь по завершении той эпохи, которую он обозначает, и применялся к «Старому порядку» во Франции.⁵³ Автор пишет: «Когда мы говорим о прекарии, иммунитете, о монополии феодалов на землю, выразившейся в известном принципе “нет земли без сеньора”, о рыцарстве как корпорации, о всеобщем господстве феодального права, о развитой иерархической лестнице вассалов и сеньоров, то по сути дела мы имеем в виду французский, а точнее говоря, северофранцузский феодализм в XI-XIII вв., ибо, обращаясь к общественным отношениям в других странах Европы того же периода, приходится отмечать отсутствие, недоразвитость или специфичность названных институтов». И далее: «<...> теоретическое представление о феодализме есть “модель”, сконструированная... не столько на основе обобщения широкого круга данных, сколько путем возведения в норму конкретного материала, полученного прежде всего из изучения истории одной области Франции за... краткий отрезок средневековья».⁵⁴

Что касается российской истории (Киевская Русь, период раздробленности и более позднее время), то большинство западных медиевистов и отечественных историков, вынужденно покинувших страну после 1917 года, либо отрицает существование на Руси феодального строя, либо находит лишь отдельные его элементы.⁵⁵

Так, в частности, П.Б.Струве обращал внимание на тот факт, что боярское землевладение в Древней Руси, в отличие от Западной Европы, где основу землевладения составляли феодалы, представляло собой вотчинную (аллодиальную) собственность, владение которой не было обусловлено службой. Впоследствии в Северо-Восточной Руси XIII-XIV столе-

тия, отмечал автор, начинает формироваться поместное землевладение, и отношения великого князя, служилых князей и более мелких землевладельцев могут рассматриваться как вассально-ленные. Однако эти «элементы русского феодализма» складываются уже в период постепенной централизации власти.⁵⁶

Г.В.Вернадский считал, что крупное земельное хозяйство на Руси имело «большее сходство с римской латифундией», основанной на полусвободном и рабском труде, нежели с феодальной сеньорией. Земля в этот период, по мнению автора, была объектом «частной собственности», и распоряжение ею не было стеснено феодальными институтами. Крепостничество также не являлось ведущей формой зависимости непосредственных производителей. Более того, в Киевской Руси, считал Г.В.Вернадский, «натуральное хозяйство» не было доминирующим, а главную роль в экономике страны играли города и так называемый «торговый капитализм».⁵⁷ Однако исследователь признает «процесс феодализации» на Руси (в первую очередь западной ее части — литовской) с начала XII столетия.⁵⁸

Следует заметить, что целый ряд положений Вернадского являются неубедительными. Так, несомненно, что в древнерусском государстве не существовало крепостничества. Однако оно отсутствовало и во Франции, поскольку средневековые сервы не могут отождествляться с российскими крепостными XVII — середины XIX вв. Термином «сервы» обозначалась социальная группа, включавшая в себя как рабов, так и фактически свободных. Объединяло их то, что они состояли в непосредственной личной зависимости (в разных формах) от феодала.⁵⁹ Идеи Вернадского о «торговом капитализме» как основе экономики Руси являются значительным преувеличением. Более того, такие известные медиевисты как М.Блок и Ж. Ле Гофф не считали отсутствие торговли и «денежного хозяйства» непременным атрибутом феодализма.⁶⁰ Не находит подтверждения в источниках тезис Вернадского о масштабном использовании рабского труда на Руси и «частной собственности» на землю.

На отсутствие в древнерусском государстве развитой системы вассалитета, базирующейся на «взаимных обязательствах» сюзерена и вассала, обращали свое внимание Д.Орчард и Р.Пайпс. Последний также полагал, что поместная система, появившаяся только в конце XV столетия, являлась антифеодальным институтом, призванным еще в большей степени подчинить служилое сословие верховной власти.⁶¹ Существенным аргументом западной историографии против наличия «феодализма» в удельной Руси являются особенности «системы иммунитетов» XII-XVI веков. В частности, обращается внимание на тот факт, что иммунитеты касались прежде всего монастырей, а не светского землевладения. Более того, по сравнению с западноевропейскими аналогами, права получателя иммунитета были ограничены.⁶²

Социолог В.Мурвар вслед за М.Вебером пришел к выводу, что политическая и общественная структура Российского государства формировалась как патримониальная, а отнюдь не феодальная.⁶³ Как считал автор, опираясь на работы Г.В.Вернадского, в Киевской Руси отсутствовали

какие бы то ни было феодальные структуры. Впоследствии, под воздействием монгольского завоевания,⁶⁴ начинает создаваться «монистическо-патримониальная» модель общества. Среди основных ее черт были концентрация власти в руках великого князя (царя), отсутствие политических прав служилого сословия, а также взаимных обязательств в отношениях монарха и дворянина, абсолютная зависимость служилого человека (личная, имущественная и т.д.) от «священной персоны» государя.

Вышеперечисленные аргументы несомненно имеют под собой реальную основу, однако проблема «русского феодализма» в отечественной и западной историографии уже достаточно давно переросла в дискуссию, в которой обе стороны в одно и то же понятие вкладывают различные значения. И если для одних важнейшими стали вышеперечисленные признаки, которые присутствовали в средневековой Западной Европе (в первую очередь во Франции), то для других, в числе наиболее существенных, присутствуют формирование собственности феодалов или феодального государства на землю, личная зависимость непосредственного производителя — крестьянина — от землевладельца и наличие определенного типа рентных отношений, в соответствии с которыми как частные лица, общественные институты, такие как церковь, так и само государство — получатели этой ренты, обретают феодальную сущность. Игнорирование отношений производства (как впрочем и иная крайность — недооценка тех черт, которые не входят в круг производственных отношений) делает понимание сути общественного развития ограниченным.

С этой точки зрения, генезис раннефеодальных отношений относится к периоду древнерусского государства. Первоначально складывается государственно-корпоративная земельная собственность княжеско-дружинной знати, осуществлявшей эксплуатацию лично-свободного населения посредством взимания даней-налогов. А.А.Горский, вслед за Л.В.Черепнинным, охарактеризовал эту систему как «государственный феодализм». В X веке возникает княжеский домен, затем (с XI века) через княжеские пожалования появляется вотчинное землевладение старшей дружины и церкви. Во 2-й половине XII — XIII вв., с ростом земельной собственности, старшая дружина (боярство) выходит из дружинной организации и превращается в поземельных вассалов князя. Та часть дружины, которая сохранила связь с князем, образовала новый институт — княжеский «двор».⁶⁵ А.Я.Гуревич, рассматривая древнерусское полюдь, которое «со времен Ольги опиралось на систему княжеских погостов», находил здесь параллель со скандинавской вейцлой — системой кормлений, которыми король жаловал своих приближенных, монастыри, служилых людей. По его мнению, на Руси «дальнейшее “окняжение” и “оборивание” кормлений... вело к превращению погостов в вотчины».⁶⁶

Обращаясь к вопросу об условном землевладении, необходимо подчеркнуть, что проблему наличия или отсутствия феодалов в Древней Руси не следует сводить исключительно к их земельной форме. По мнению М.Б.Свердлова, система феодалов, сложившаяся в условиях верховной собственности государства на землю и постепенного распространения боярского вотчинного землевладения, характеризовалась господством неземе-

мельных форм: «от почетных даров, кормов и кормлений до феодалов в натуральной и денежной форме», которыми за службу наделялись светские лица, а позднее церковь.⁶⁷ А.Я.Гуревич, анализируя западноевропейский феодализм, показал, что «подлинным объектом королевских пожалований сплошь и рядом были не зависимые люди и не земли, являвшиеся собственностью короля, но те полномочия и права, которыми он реально располагал по отношению к своим подданным» — «право сбора кормлений и даней, присвоения судебных штрафов, право суда, военная власть». «Решающим для конституирования феодала являлся не объект пожалования..., а принадлежность получателя феодала к рыцарству, к благородному сословию. Важна была не столько форма пожалования, сколько самый факт существования военного класса за счет эксплуатации сельского населения». Эти пожалования «власти над свободными людьми и собираемых с них доходов... играли огромную роль» в генезисе феодализма у англосаксов, в Скандинавии, «практиковались и на континенте Европы, в частности во Франкском государстве».⁶⁸

Условная (поместная) форма землевладения активно распространяется на Руси только в конце XV — XVI вв. Помимо обеспечения служилого населения землей как формы жалования за службу, поместная система в условиях постепенной централизации власти ставила его получателей в еще большую зависимость от государя. В середине XVI столетия происходит распространение обязанности государственной службы на вотчинную собственность, что в принципе исключало свободный договор о службе.

Что касается института вассалитета (являющегося одним из наиболее существенных признаков «феодализма» в классической трактовке этого понятия), то отношения в древнерусской дружине, как основанные на взаимных обязательствах рядовых дружинников, боярства (старшей дружины) и князя,⁶⁹ были типологически близкими к договорным связям, на которых базировался вассалитет в Западной Европе. В удельный период складывается иерархическая структура «господствующего класса».⁷⁰ Реальная многоступенчатость системы вассалитета может быть прослежена на тех территориях, которые вошли в Великое княжество Литовское.⁷¹

Однако уже в период раздробленности наряду с дружинными традициями начинают оформляться отношения подданства, что наиболее ярко проявилось в Северо-Восточной Руси. Среди причин этого в новейшей отечественной историографии, в частности, назывались медленное развитие вотчинного землевладения в домонгольский период, отрицательное воздействие ордынского ига, физическое уничтожение в это время большей части личного состава старых княжеских дружин (носителей «вассально-рыцарской», дружинной психологии), формирование новых дружин из непривилегированных слоев общества, необходимость жесткой централизованной власти для противостояния Орде, неблагоприятное влияние природно-климатического фактора.⁷² Следы вассально-дружинного менталитета отражались в сохранении «права отъезда»; внутри княжеского дома продолжала существовать иерархия, построенная по принципу сюзерен-вассал («брат старейший» — «брат младший»). Вместе с тем договорные грамоты XIV-XVI столетий в значительной степени

следует воспринимать в контексте процесса объединения Российского государства. Отсутствие развитых отношений сюзеренитета-вассалитета, основанных на взаимных обязательствах сторон, преобладание «вертикальных связей» господства и подчинения над «горизонтальными» в конечном счете привели к образованию деспотического самодержавия и подданства в холопской форме.⁷³ Упразднение уделов, завершившееся при Иване IV, и дальнейшее укрепление центральной власти обусловили существенное упрощение иерархии светских феодалов. Все представители служилого сословия становятся прямыми подданными монарха. В связи с этим упрощается иерархия земельной собственности: наряду с непосредственным владельцем земли и ее верховным собственником — государем, определенными правами собственника к этому времени обладали лишь родовые дворянские корпорации. Одновременно происходит постепенная концентрация политической власти и судебных полномочий в руках короны.⁷⁴ Следовательно, консолидация господствующего сословия осуществлялась путем усиления центральной власти и резкого возрастания зависимости от нее каждого феодала.⁷⁵ Своеобразие этой системе добавляло наличие такого института генеалогического старшинства службы как местничество, которое было основано на «горизонтальных связях» внутри родовой или служилой корпорации.⁷⁶

Таким образом, развитие феодальных отношений в российском обществе, сравнительно с западноевропейскими примерами, обладало значительными отличиями. На Руси не сложилась разветвленная система договорного сюзеренитета-вассалитета (именно в той форме, которая оказалась в ряде стран Европы решающее влияние на оформление твердых юридических оснований прав и обязанностей личности в дворянской среде), отсутствовало рыцарское сословие, сплоченное корпоративной идеологией, свои несомненные особенности имели иммунитеты и т.д. Следует признать, что те феодальные институты, которые укоренились на нашей почве, были деформированы в ходе развития Российского государства, в первую очередь в результате воздействия сильной центральной власти. Причем, как было показано Л.В.Миловым, «характернейшей чертой» этого типа государственности являлись не только политические, но и хозяйственно-экономические функции.⁷⁷ Важные отличия от западноевропейских аналогов имело развитие отношений собственности на землю. Однако феодальный характер как поместной, так и вотчинной собственности придавало внимание с зависимого населения различных форм ренты (натуральной, отработочной и денежной) в пользу непосредственных владельцев, а также централизованной ренты в пользу государя, являвшегося верховным собственником всего земельного фонда. На этапе позднего феодализма в России заканчивается складывание крепостной зависимости, а система «государственного феодализма» продолжает проявлять себя в эксплуатации крестьянства, обрабатывающего «черные» земли.

Теоретическая база, созданная в ходе изучения экономических и правовых аспектов феодальной собственности на землю, позволила отечественным исследователям в послевоенное время значительно продвинуть

ся в анализе проблем, связанных с развитием дворянской собственности в России XVIII века.

В отечественной историографии, как в дореволюционной, так и советского периода, XVIII век справедливо рассматривался как эпоха расширения прав дворян на распоряжение недвижимостью и освобождения привилегированного сословия от обязательной службы. Однако нельзя полностью согласиться с позицией целого ряда советских историков, стремившихся объяснить данные процессы исключительно воздействием дворянства на правительство. Эти идеи нашли свое отражение в «Очерках истории СССР», изданных в 50-х годах XX века,⁷⁸ а также работах А.А.Преображенского и М.Ю.Мальшева.⁷⁹ П.И.Лященко даже подчеркнул, что государственная политика в послепетровское время «определялась в первую очередь интересами дворянства».⁸⁰

Освобождение дворянства от обязательной службы имело в своей основе и иную причину. Так, некоторые отечественные и зарубежные исследователи (А.Л.Шапиро, М.Раев) обратили внимание, что к середине XVIII века в России сложился достаточно мощный бюрократический аппарат. Это ослабило зависимость власти от обязательной службы привилегированного сословия.⁸¹ С точки зрения известного британского историка И. де Мадариага, манифест 1762 г. был попыткой (хотя и не особенно удачной) создания «профессионального корпуса чиновников, не связанного с помещичьим сословием». Однако основное значение законодательного акта, как считала автор, заключалось в том, что он «открыл путь к формированию в России совершенно нового класса — так сказать, “частного человека”, в отличие от “служилого человека”, а также общества отдельного от государства и противоположного ему».⁸²

Вместе с тем значительная часть дворянства была заинтересована в продолжении карьеры. По мнению М.Раева, петровские реформы привели к тому, что в царствование Екатерины II «государственная служба стала общепринятым дворянским образом жизни».⁸³ Существовал и материальный фактор, заставлявший дворянство служить, а именно — относительно низкий уровень достатка большинства представителей сословия.

Выводы, касающиеся темпов процесса освобождения дворянской земельной собственности от черт условности и ограниченности, также не являлись однозначными. Многими исследователями появление «безусловной», «полной» собственности дворян на землю относится уже к 1-й трети XVIII века, что выглядит достаточно спорным, учитывая факт сохранения в законодательстве этого периода значительных ограничений на распоряжение недвижимостью. Так в частности, Б.В.Виленский необоснованно утверждал, что указ 1714 г. предоставил собственникам «право неограниченного распоряжения» поместьями (продажа, заклад, завещание, передача в качестве приданого «и проч.»). Как считал автор, петровские пункты ликвидировали «антагонизм внутри господствующего класса» между «боярами-вотчинниками», которые имели «неограниченное право» распоряжения имениями, и «дворянами-помещиками», добивавшимися этого.⁸⁴ По мнению же В.В.Мавродина, в результате принятия указа о единонаследии «все земли стали полной собственностью дворян».⁸⁵

Сторонником того, что к началу 30-х гг. XVIII века были упразднены «какие бы то ни было» ограничения на распоряжение дворянской земельной собственностью, был и А.А.Преображенский.⁸⁶ Другие исследователи (Н.И.Павленко, Л.И.Дембо), утверждавшие, что указы 1714 и 1731 гг. отменили «условную» форму землевладения и заменили ее «безусловной», фактически игнорировали взаимосвязь землевладения и государственной службы.⁸⁷ Достаточно близкую точку зрения высказывал М.Ю.Малышев. Он полагал, что с 1714 г. происходит разрыв между служебными обязанностями дворянства и его правом на землю, и с этого времени дворянство служило не с земли, а с «социального статуса». Однако эта позиция является спорной, в первую очередь, именно потому, что привилегированный «социальный статус» дворянства включал в себя в качестве главной составляющей право на владение землей и крепостными. Нельзя согласиться и с мнением автора, что с 1731 г. необходимость «служить за землю» была не более чем «морально-этическим» принципом.⁸⁸

Иная точка зрения по данной проблеме, основанная на тезисе о сохранении дворянским землевладением XVIII века феодального характера, была высказана М.В.Колгановым, А.В.Венедиктовым, Б.В.Носовым, Е.С.Соколовой и Н.В.Киприяновой. Так, Б.В.Носов показал, что несмотря на то, что система распоряжения земельными фондами в XVIII веке была «во многом более свободна», чем в XVII столетии, несмотря на значительное расширение прав дворянства на землю в 30–70-е гг., а также освобождение сословия от обязательной государственной службы, государство сохранило за собой право верховного земельного собственника. Оставались практически в неизменном виде те права в отношении дворянского землевладения, которыми власть обладала в XVII веке, — право получения феодальной ренты со всех земельных владений, право пожалования и конфискации земель. Кроме того, в XVIII веке дворянство отвечало своим имением за уплату в казну подушной подати. Была создана система государственной опеки над дворянскими имениями, которая должна была поддерживать систему родового землевладения. Вплоть до 80-х гг. XVIII века сохранялись ограничения на распоряжение (наследование, отчуждение и т.д.) недвижимым имуществом, направленные на усиление прав дворянского рода и государства. На протяжении данного периода, утверждал автор, изменению подвергались лишь методы осуществления этой политики. Правительство постепенно отказывалось от прямого регламентирования землевладения привилегированного сословия, однако «феодальный характер» поземельных отношений государства и дворянства оставался неизменным. Рассматривая эволюцию поместной системы, Носов отмечал, что вплоть до 1762 г. сохранялась традиционная система дворянского землевладения, в основе которой в 30-е гг. лежала непосредственная, а в 40 — начале 60-х гг. косвенная взаимосвязь государственной службы и права на владение землей, хотя относительно последнего периода указывается, что пожалования утрачивают черты условных раздач, приобретая «в основном» наградной характер.⁸⁹ Автор также подчеркивал, что в XVIII веке, как и ранее, одним из субъектов зе-

мельной собственности являлся род, дворянская фамилия. Родовая собственность была персонифицирована в лице владельца имения, однако это право в значительной степени ущемлялось как правами рода, так и прерогативами государственной власти, правами императора как верховного собственника земли. Тем не менее Б.В.Носовым не были прослежены тенденции, которые вели к сокращению объема прав дворянской родовой корпорации на земельную собственность непосредственного владельца вотчины, и как следствие этого, к определенной индивидуализации собственнических начал в праве дворян на имения. Однако трудно согласиться с мнением другого исследователя — И.А.Исаева, который утверждал, что уже в 1-й половине XVIII века «столкновение родового и индивидуального начал в сфере поземельной собственности завершается победой второго над первым».⁹⁰ Хотя, несомненно, постепенный выход индивида из-под власти родовых корпораций привел к тому, что он стал более подвержен «власти государства».⁹¹

Рассматривая последствия указа 1714 г., Е.С.Соколова отметила, что введение единонаследия привело к образованию «единой по своему правовому режиму... дворянской собственности ограниченного характера», причем «сознательно спровоцированная бедность дворянских наследников» усиливала их зависимость от власти.⁹² В результате петровских реформ, как было показано автором, дворянство рассматривалось «как подвижная социальная группа, объединенная вокруг верховной власти обязанностью пожизненной службы». И несмотря на ликвидацию ряда ограничений, в послепетровское время «владелец поместно-вотчинного комплекса по-прежнему делил право собственности на служилые земли с монархией». Автор также подчеркивала служилый характер дворянства в течение всей 1-й половины XVIII века, определяя сословие как «землевладельческое... феодального типа».⁹³ Практически к тем же выводам пришла Н.В.Киприянова.⁹⁴

Активное вмешательство самодержавия в формирование дворянской земельной собственности и использование государственной властью земельного фонда для собственного укрепления и консолидации дворянства было доказано Е.И.Индовой на основании анализа ведомостей о пожалованиях и конфискациях. Был сделан вывод о непрерывном перераспределении земель государством. По ее подсчетам, размеры конфискованных земель намного превышали размеры пожалований.⁹⁵ Выводы Индовой подтверждены работами К.В.Сивкова, который опубликовал значительное количество материалов из отписных книг 1-й четверти XVIII века. По его данным, за это время отписка имений была произведена не менее чем у 3000 лиц различного общественного положения.⁹⁶

«Форма землевладения, которая установилась в России в конце XVIII века, сохраняла еще в основном черты сословного феодального землевладения» и по мнению М.В.Колганова, а законодательные акты времен Анны Иоанновны и Екатерины II были лишь первыми шагами на пути превращения «феодального землевладения в свободно отчуждаемую частную собственность», поскольку 1) сохранялось крепостное право, 2) из свободно распоряжения исключались родовые имения, 3) круг субъектов собственности, согласно законодательству, ограничивался дворянами.⁹⁷

Существенное внимание в советский период развития отечественной исторической науки уделялось Генеральному межеванию 1755-1763 гг.⁹⁸

При рассмотрении целей межевания, а также причин его неудачи рядом исследователей (Ю.Я.Коган, Ю.В.Готье, Ф.И.Лаппо, Б.Б.Кафенгауз, М.А.Рахматуллин, С.Л.Марголин) отмечалось, что основной задачей данного землеустроительного предприятия было укрепление дворянского землевладения,⁹⁹ остальные же, в частности прекращение споров на межах, захваты государственных земель, должны были быть разрешены лишь попутно.¹⁰⁰ Причины неудачи инициативы правительства крылись, по мнению этих авторов, в сопротивлении межеванию самих помещиков, поскольку основные его принципы (ревизия и редукция) противоречили желанию дворянства сохранить за собой земли, приобретенные в результате захватов.¹⁰¹ Однако вышеуказанный тезис не был подкреплен источниками и с этой точки зрения не может считаться доказанным.

Важный вывод по вопросу о причинах начала межевания середины XVIII века был сделан Н.В.Киприяновой. Автор указывала, что фактическое состояние поземельных владений (чересполосица, неопределенность границ, совместное пользование) находились в противоречии с укреплением наследственных прав дворянства на землю.¹⁰²

Иной взгляд на причины провала елизаветинского межевания был отражен в работах Л.В.Милова и Б.В.Носова. Так, Л.В.Милов подчеркивал, в первую очередь, чисто технические: необходимость обязательной проверки крепостей и проведение Генерального межевания на основе устаревшей крепостной документации. К второстепенным причинам он отнес требование полного уничтожения общего и чересполосного владения и наделение межевщиков чрезмерно широкими судебными и административными полномочиями, что приводило к произволу. Следствием этого стали многочисленные тяжбы и споры, которые, по мнению Л.В.Милова, демонстрировали недовольство дворянства общими принципами и методами проведения межевания. Другой исследователь — Б.В.Носов — отметил, что принципы ревизии и редукции, положенные в основу Межевой инструкции 1754 г., выражали преемственность поземельной системы XVII-XVIII веков и подчеркивали верховную собственность государства на землю. Он также утверждал, что документы не дают оснований для заключений о сопротивлении дворянства Генеральному межеванию. Причинами его неудачи Б.В.Носов считал неразработанность межевого законодательства, неспособность государственного аппарата провести межевание, отсутствие необходимых кадров и средств, а также затруднения и тяжбы при разверстке примерных земель (автор отмечал, что недовольство вызвала не попытка правительства взыскать деньги за эти земли, а сам факт необходимости их раздела).¹⁰³

Центральное место в советской историографии занимали проблемы, связанные с социально-экономическими процессами, протекавшими в сфере землевладения России 1-й половины XVIII века. В обобщающем труде «Очерки истории СССР», а также ряде других в качестве таковых назывались: рост феодальной земельной собственности, заселение и активное освоение черноземных земель Юга России, монополизация пра-

ва землевладения дворянством, измельчание землевладения рядового служилого дворянства и стабилизация размеров земельного фонда большинства дворянских родов в связи с прекращением пожалования земель за службу и введением принципа единонаследия; также отмечались концентрация земли у высшего дворянства и возникновение «латифундального землевладения», причем не последнюю роль здесь сыграли раздачи земель государством, а также их захват.¹⁰⁴

Количественный анализ процессов, протекавших в дворянском земле- и душевладении в Европейской России XVII-XIX вв., содержат работы О.А.Шватченко, Я.Е.Водарского и Н.М.Шепуковой, построенные на основе обширного статистического материала.

Так, О.А.Шватченко было проведено фундаментальное исследование эволюции вотчинной системы светского феодального землевладения 2-й половины XVII века.¹⁰⁵ Рассмотрены размещение, населенность, социально-чиновные характеристики и родовая структура дворянского вотчинного фонда в данный период. Автор показал, что вотчинная система XVII столетия была ориентирована на обслуживание интересов верхушки «московских чинов», происходившей из родословной титулованной и старомосковской знати. Укрупнение вотчинного землевладения и чиновный рост представителей отдельных провинциальных фамилий не могли подорвать значения старых служилых родов.

Монография О.А.Шватченко, как и более ранние труды С.Б.Веселовского, А.А.Зиминой, В.Б.Кобрина и А.П.Павлова, позволяют, вместе с тем, раскрыть чиновную и генеалогическую историю многих дворянских фамилий, входивших в верхушку сословия в 1-й половине XVIII столетия.¹⁰⁶ Большую научную ценность также имеет работа М.По,¹⁰⁷ который на основе Биографического банка данных Российского государства XIV — начала XVIII вв., составленного американскими и отечественными историками (О.Е.Кошелева, Р.Крамми, Р.Мартин, Б.Н.Морозов, М.По, С.О.Шмидт), используя математические методы, проанализировал зависимость карьеры думных чинов XVII-начала XVIII вв. от их знатности, родственных связей, положения в обществе других представителей фамилии. Автор наглядно продемонстрировал процесс пополнения Боярской Думы выходцами из верхушки провинциального дворянства, активно протекавший во 2-й половине XVII века. Среди причин этого явления М.По называет расширение Государева двора, слабость верховной власти в последней четверти столетия и активную борьбу кланов Милославских и Нарышкиных, стремившихся укрепить свое положение за счет пожалования думных чинов своим сторонникам и родственникам.¹⁰⁸

Изучению дворянского землевладения XVII-XIX вв. посвящены труды Я.Е.Водарского, базирующиеся на анализе материалов межеваний 2-й четверти XVII и 2-й половины XVIII в., а также сводных источников о дворе- и душевладении представителей привилегированного сословия в 1678-1700 гг. (на основе Алфавитов к сказкам Генерального двора) и по I ревизии (на основе Табели 1737-38 гг.). Работы историка содержат ценные суммарные сведения о поместно-вотчинном фонде правящей верхушки дворянства рубежа XVII-XVIII столетий и ее генеалогическом сос-

таве. Автором был внесен существенный вклад в изучение историко-географических аспектов дворянского землевладения.¹⁰⁹

К сожалению, исследователем не была использована возможность детального анализа социально-чиновной и родовой структуры дворянских имений начала XVIII века, а подсчеты Я.Е. Водарского и Н.М. Шепуковой по Табели 1737-38 гг., из-за несовершенной методики обработки сведений, содержащихся в источнике, недостаточно точны.¹¹⁰

Значительным для разработки проблем, связанных с историей дворянства 1-й половины XVIII столетия, является монографическое исследование С.М. Троицкого, собравшего уникальный материал, относящийся к процессу складывания российской бюрократии, сословной ее структуре и имущественной обеспеченности различных слоев правящего сословия России в середине XVIII века. Автором был сделан и проиллюстрирован крайне важный вывод о «качественном» изменении состава чиновной верхушки сословия в петровское и послепетровское время за счет привлечения на высокие государственные посты «среднего и мелко дворянства», а также выходцев из социальных низов.¹¹¹

Та же проблематика изучалась М.Д. Рабиновичем, проанализировавшим в своей статье социальное происхождение и имущественное положение офицерского состава русской армии в конце Северной войны. Автор также поставил под сомнение распространенный в отечественной и западной (Р.Пайпс, Н.В. Рязановский) историографии тезис о том, что указ о единонаследии, как противоречивший российским традициям, фактически не действовал из-за постоянных нарушений.¹¹²

Важным шагом в разработке проблем социально-экономического развития южных уездов России, в частности, проникновения крупного дворянского землевладения в регион, являются исследования А.А. Новосельского, В.М. Важинского, В.И. Недосекина, М.Т. Белявского и А.Г. Слюсарского. Так, в довоенных работах А.А. Новосельского были показаны масштабы экспансии крепостнического землевладения в ЦЧР к концу XVII века, а также приведены характеристика и периодизация правительственной политики в отношении землевладения однодворцев и нижних чинов на Юге страны. Весьма значимы наблюдения В.И. Недосекина и М.Т. Белявского, давших достаточно точную оценку роли захватов государственных и однодворческих земель в ходе расширения южных дворянских вотчин в XVIII столетии.¹¹³

Целый ряд исследований был посвящен раскрытию эволюции землевладения привилегированного сословия на основе анализа материалов, характеризующих экономические аспекты развития отдельных дворянских вотчин (А.Л. Шапиро, Н.И. Бураковская, П.К. Алефиренко, Л.И. Петрова, В.И. Крутиков, С.М. Троицкий, К.Н. Щепетов).¹¹⁴

Работы В.М. Кабузана являются одними из базовых в разработке проблем народонаселения и истории податных сословий России XVIII-XIX вв.¹¹⁵

Значительное внимание в советской историографии уделялось общим проблемам развития сельскохозяйственного производства, генезиса буржуазных начал в сельском хозяйстве, формированию рынка, в частности хлебного, экономическому положению крепостного крестьянства, в том

числе и в ЦЧР (Л.В. Милов, В.К. Яцунский, Н.А. Горская, В.М. Слободин, К.В. Сивков, П.А. Колесников, А.Л. Шапиро, Н.Л. Рубинштейн, Б.Б. Кафенгауз, С.М. Троицкий, Н.М. Шепукова, Н.И. Павленко, Г.С. Лялина, В.Н. Павленко, Е.И. Индова, Б.Н. Миронов, М.Ф. Прохоров и др.).¹¹⁶

Огромный фактический материал, касающийся развития сельского хозяйства России 2-й половины XVIII века, содержит недавно опубликованная монография Л.В. Милова «Великорусский пахарь». Автором было также показано влияние природно-климатического фактора на развитие аграрной и политической сфер страны.

Однако, несмотря на значительные успехи, достигнутые отечественной исторической наукой в изучении землевладения дворянства в России XVII-XVIII вв., 1-я половина XVIII столетия остается менее исследованной. Так, в частности, по Центрально-Черноземному региону дальнейшей разработки требуют вопросы, связанные с количественным, а также структурным анализом дворянского поместно-вотчинного фонда. В недостаточной степени изучен чиновный состав дворян — землевладельцев ЦЧР, а также те аспекты землевладения привилегированного сословия, которые связаны с его родовой организацией. Нельзя признать всесторонней разработанность проблем, относящихся к движению населения в южных уездах страны. Также существует необходимость продолжения исследования целого ряда общих проблем, касающихся законодательного регулирования дворянского землевладения в 1-й половине XVIII века, в первую очередь на основе введения в оборот новых архивных данных.

Настоящая работа построена на анализе преимущественно неопубликованных источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Были привлечены материалы фондов как центральных, так и местных учреждений 1-й половины XVIII века. Среди них, в первую очередь, фонды 248 (Сенат и его учреждения), 264 (VI Департамент Сената), 1209 (Архив прежних вотчинных дел), 350 (Ландратские книги и ревизские сказки), 342 (Комиссия о сочинении нового Уложения), 447 (Тамбовская провинциальная канцелярия) и 453 (Шацкая провинциальная канцелярия). Автор также обращался к отдельным материалам, находящимся в Архиве Российской Академии наук.¹¹⁸

Используемые в исследовании архивные источники подразделяются на две группы.

Первую группу составили многочисленные официальные материалы, характеризующие различные стороны законодательного регулирования дворянского землевладения в изучаемый период.

Здесь следует указать разнообразные законодательные акты, регламентирующие права дворянства на распоряжение недвижимостью; неопубликованные варианты писцовых наказов и межевых инструкций, а также документы, раскрывающие процесс их обсуждения; материалы, касающиеся истории поместной системы в 1-й половине XVIII века и связанные с раздачами и конфискацией помещичьих земель; делопроизводительную документацию; судебно-следственные дела.

Наиболее важными среди них являются впервые вводимые в научный оборот материалы, касающиеся принятия указа 16 марта 1736 г. о запрещении поместных раздач и обсуждения планов их возобновления в 30 — начале 40-х гг. XVIII века. Значительный интерес также представляют неопубликованные проекты Межевой инструкции и писцового наказа Анны Иоанновны, восполняющие пробелы в эволюции межевого законодательства конца XVII — 2-й половины XVIII вв.¹¹⁹ Крайне существенными, с научной точки зрения, являются документы, раскрывающие причины провала межевания 1755-1763 гг., в частности, «Рассуждение... каким образом государственное размежевание производить», поданное в 1765 г. в Комиссию о государственном межевании надворным советником П.Херасковым.¹²⁰

Вторую, и основную, группу источников составляют архивные материалы статистического характера, отражающие распределение крепостного крестьянства между представителями дворянского сословия в ЦЧР в 1-й половине XVIII века, использованные для анализа размещения, чиновной и родовой структуры дворянских владений в вышеуказанный период. К их числу относятся Алфавиты к Сказкам Генерального двора 1699-1700 гг., Табель 1737-38 гг., а также прокурорские ведомости и сказки III ревизии.

Отсутствие данных о размерах пашни и других угодий, составлявших земельный фонд дворянства в 1-й половине XVIII века, объясняется тем фактом, что в указанное время объектом налогообложения являлись двор, а затем ревизская душа. Кроме того, за период со 2-й четверти XVII до 2-й половины XVIII столетия в России не было проведено полностью ни одного межевания земель: валовое описание конца XVII века завершено не было и не затронуло значительного числа уездов, попытка межевания при Анне Иоанновне провалилась еще на стадии подготовки Межевой инструкции, а в период правления Елизаветы было обмежевано только 359 дач.¹²¹ По этим причинам правительству для оценки размеров земельных угодий приходилось пользоваться старыми писцовыми книгами.¹²²

В отечественной исторической науке вопрос о возможности анализа структуры землевладения на основе данных о населенности земель был решен положительно. Так, М.А.Цветков, рассматривая взаимосвязь между населенностью губерний Европейской России в XVIII — начале XX вв. и их распаханностью, пришел к следующим основным выводам: 1) между количеством населения и количеством пахотной земли существует «неомысленная определенная связь», и при неизменной системе земледелия с увеличением населения увеличиваются размеры сельскохозяйственных угодий; 2) «количество пахарей может служить мерилем для определения общих размеров пашни».¹²³ Выводы М.А.Цветкова фактически были подтверждены Я.Е.Водарским.¹²⁴ Кроме того, в тех случаях, когда отсутствуют полные данные о пашне и других земельных угодьях, анализ размеров имений на основе их населенности является единственно возможным, а главное достоверным и достаточно точным методом, что было продемонстрировано в работах Я.Е.Водарского, О.А.Шватченко, В.М.Воробьева, А.Я.Дегтярева, Н.М.Шепуковой.¹²⁵

Для классификации имений по их величине в настоящем исследовании используется подход Я.Е.Водарского, который относил к числу мелких владения с численностью крепостных от 1 до 20 душ мужского пола (далее — м.п.), к средним — от 21 до 100 душ м.п., к крупным — с населенностью более 100 душ. В ряду крупных поместий и вотчин выделяются следующие группы имений: с числом душ м.п. от 101 до 500, от 501 до 1000, от 1001 до 2000 и более 2000.¹²⁶ При пересчете числа дворов в души м.п. использовалось соотношение — 4,5 души м.п. на двор.¹²⁷

Как было показано Я.Е.Водарским, сказки, поданные землевладельцами на Генеральный двор в селе Преображенском в 1699-1700 гг., в соответствии с указом о наборе в армию даточных людей, отражают размещение крестьянских дворов, принадлежавших дворянству, на рубеже XVII-XVIII веков.¹²⁸ В 1852-1855 гг. по материалам Сказок были составлены Алфавиты,¹²⁹ которые являются более удобным в использовании источником, имеющим четкую алфавитную пофамильную структуру. В Алфавитах за каждым владельцем указано количество дворов по уездам, иногда с разбивкой по населенным пунктам.

Алфавиты к Сказкам Генерального двора использовались Я.Е.Водарским для анализа размещения поместно-вотчинного фонда дворянского сословия в России в 1700 г. Опубликованы перечни фамилий лиц, упоминаемых в Сказках, а также итоги обработки Алфавитов.¹³⁰ Однако возможность применения данных источника для изучения чиновной и родовой структуры дворянских владений использована в полной мере не была.

Источник охватывает 90 % дворовладения светских феодалов в ЦЧР на начало XVIII века (см. приложение 1). Чиновные характеристики землевладельцев, содержащиеся в Сказках и Алфавитах, являются далеко не полными. Однако, если для книг № 661 и 662, в которые вошли преимущественно представители средних и низших слоев привилегированного сословия, указание чина помещика или вотчинника является исключением, то в книге № 664, содержащей алфавит фамилий «бояр, окольных и других почетных лиц», в подавляющем большинстве случаев чины обозначены. Дополнив эти данные фактами о дворовладении думных, верхушки дворцовых чинов и стольников, содержащимися в книгах № 661, 662, возможно получить достаточно полную картину структуры поместно-вотчинного фонда верхушки сословия, а следовательно, и остального дворянства, в нее не входившего.

Весьма ценным источником по широкому кругу вопросов, связанных с аграрной историей России 1-й половины XVIII века, является Табель 1737-38 гг., составленная в царствование Анны Иоанновны по материалам I ревизии, для проведения рекрутского набора.¹³¹ Источник был введен в широкий научный оборот Я.Е.Водарским и Н.М.Шепуковой. Однако несовершенная методика обработки данных, содержащихся в источнике, использованная исследователями, значительно искажала реальную структуру дворянских владений.¹³²

В Табель внесены данные о фамилии, имени и отчестве владельцев (иногда указан чин), местоположении вотчин (уезд, стан, волость, село,

деревня и т.д.). Указано число душ м.п., положенных в оклад за владельцем по I ревизии как по имению в целом, так и по отдельным селам и деревням.

Фактически Табель 1737-38 гг. содержит два слоя данных: 1) итоговые данные I ревизии, 2) в источнике частично учтены изменения, произошедшие в структуре вотчинного фонда с момента завершения ревизии до 1737-38 гг. Среди них: переходы имений от владельца к владельцу, в том числе и раздел владений; по ряду уездов указаны «прибылые» после переписи и «сысканные» беглые крестьяне; отмечены отдельные отписные имения. Однако данные Табеля не могут характеризовать дворянское душевладение 2-й половины 30-х гг. XVIII века, как утверждали Я.Е.Водарский и В.М.Кабузан,¹³³ поскольку уточнения касаются лишь отдельных владений, а число «прибылых» крестьян незначительно. Кроме того, когда в Табеля отмечался переход или раздел имения, количество душ м.п. указывалось на момент I ревизии. Часть владений записана за дворянами, скончавшимися задолго до 2-й половины 30-х гг. XVIII века. Исследователи также упускают тот очевидный факт, что между I и II ревизиями никаких других переписей податного населения общероссийского масштаба не проводилось, и, как следствие этого, «уточнения», внесенные составителями Табеля 1737-38 гг. в материалы I ревизии, лишь искажают первоначальный источник. Тем не менее Табель 1737-38 гг. все-таки предоставляет возможность, исключая более поздние данные, достаточно полно восстановить структуру вотчинного фонда дворянства на момент завершения I ревизии в ЦЧР, что и было сделано.

Датируя данные, полученные таким образом, обратим внимание на особенность проведения I ревизии. Она осуществлялась в два этапа: 1) подача сказок — 1719-1721 гг. и 2) «свидетельство душ м.п.» — 1722-1728 гг., ставшее «в сущности... новой переписью». «Сказки периода свидетельства... фиксировали происшедшие с 1719-1721 гг. перемены в... составе» населения. подача большей части сказок во время 2-го периода переписи фактически завершилась к 1725 г.¹³⁴ По этой причине информацию, содержащуюся в Табеля 1737-38 гг. (после исключения «уточнений», внесенных ее составителями), следует датировать серединой 20-х гг. XVIII века.¹³⁵

Данные Табеля, по сравнению с Алфавитами 1699-1700 гг., менее полны. Отсутствуют материалы по восьми уездам, в которых было сосредоточено около $\frac{1}{3}$ помещичьих крестьян ЦЧР: Белевскому, Брянскому, Карачевскому, Кромскому, Мценскому, Путивльскому, Рыльскому и Трубчевскому.¹³⁶ Тем не менее сведения, содержащиеся в Табеля 1737-38 гг., являются репрезентативными и достаточно полно характеризующими дворянский вотчинный фонд по подавляющему большинству уездов ЦЧР, что наглядно продемонстрировано в приложениях 2 и 3.

Для решения поставленных задач также использовались материалы III ревизии (1761-1767 гг.): в первую очередь прокурорские ведомости¹³⁷ и ревизские сказки.¹³⁸

Поуездные ведомости о численности оброчных и барщинных крестьян по III ревизии были составлены воеводскими и провинциальными канцелярскими в 1766-1767 гг. по запросу генерал-прокурора кн. А.А.Вяземского.¹³⁹

На ценность ведомостей как исторического источника обратил внимание еще В.И.Семевский.¹⁴⁰ Однако в историографии получили распространение лишь итоговые данные из прокурорских ведомостей.¹⁴¹ Полная обработка материалов по ЦЧР и привлечение их в качестве источника по истории дворянских вотчин производятся впервые.

В ведомости внесены данные о количестве крестьян в каждом имении (с разделением на барщинных и оброчных), чинах, фамилии, имени и отчестве владельцев, указаны наименования населенных пунктов, в которых проживали крепостные.¹⁴² Сведения, содержащиеся в прокурорских ведомостях, дополнены данными из сказок III ревизии, что объясняется отсутствием ведомостей по ряду уездов или их неполнотой.

К настоящему времени в научный оборот прочно вошли многочисленные итоговые таблицы III ревизии. Однако первичные материалы переписи были незаслуженно обойдены вниманием исследователей. Между тем ревизские сказки являются весьма информативным историческим источником.

Ревизии носили сословный и феодальный характер и выполняли фискальные функции, поскольку учитывали исключительно податное население. Ревизская сказка также являлась документом, подтверждающим право собственности землевладельца на крепостное население вотчины.

Проведение III ревизии осуществлялось непосредственно губернскими, провинциальными и воеводскими канцелярскими,¹⁴³ и подавляющее большинство сказок этой переписи сохранилось в копиях, направленных в центральные учреждения. Сказки содержат данные о владельце (ФИО, чин) и расположении имения; нередко указан собственник вотчины на время II ревизии. В сказку поименно вносились все крепостные, проживавшие в вотчине (в том числе и лица женского пола), с указанием возраста, семейного положения; в ряде случаев особо выделяются дворовые. В источнике отмечаются изменения, произошедшие в составе населения имения между ревизиями (перевод крепостных, купля-продажа, бегство, рождение, смерть и т.д.). В ряде уездов формуляр сказки включал в себя итоговые подсчеты душ обоего пола по II и III ревизиям. В случае изменения состава населения в ходе самой ревизии вотчинники подавали дополнительные сказки. Преобладающее большинство переписных материалов относится к периоду 1761-1762 гг.

Привлеченные для анализа размещения и структуры дворянских вотчин ревизские сказки, как было отмечено Ф.И.Лаппо, являются также ценными при разработке проблем народонаселения (изучение естественного прироста и миграционных процессов), дают сведения о случаях бегства крестьян, содержат косвенные данные о вытеснении однодворцев с их земель дворянами.¹⁴⁴

В общей сложности использованные в работе источники зарегистрировали 85 % крепостных, числившихся по III ревизии в Белгородской и Воронежской губерниях (см. приложение 4), и весьма полно отражают размещение дворянских вотчин в регионе на это время. Чиновные характеристики дворянства, владевшего имениями в ЦЧР к 1762 г., также являются репрезентативными, поскольку известны для дворян, в соб-

ственности которых находилось 71,5 % крепостных региона (см. приложение 5). Кроме того, естественно образовавшаяся выборка, с данными о чинах владельцев имений, весьма точно отражает структуру вотчинного фонда дворянского сословия в целом (см. приложение б).

Проводимые в течение 1-й половины XVIII века реформы административно-территориального деления практически не затронули поузездную структуру Центрального Черноземья.¹⁴⁵ Кроме того, возможная утайка крепостного населения от переписи не влияла на итоговые данные в части структуры владений. По этим причинам данные Алфавитов 1699-1700 гг., Табели 1737-38 гг. и материалов III ревизии являются полностью сопоставимыми. В результате обработки источников были получены данные по 25 тысячам дворянских имений. Итоги проделанной работы представлены в табличной форме в приложениях.¹⁴⁶

Наряду с архивными материалами, для раскрытия темы исследования привлекались опубликованные источники.

Так, весьма серьезную базу для анализа законодательного регулирования прав дворянства на землю и крепостных представляет собой Полное собрание законов Российской империи.¹⁴⁷ Были привлечены публикации Соборного Уложения 1649 г., законодательства XVII века, а также глав проекта Уложения 1754-66 гг.¹⁴⁸ Значительная часть актового материала вошла в сборники Русского исторического общества.¹⁴⁹ Научный интерес имеют отдельные публикации материалов по истории межевого дела.¹⁵⁰

В работе использованы опубликованные Я.Е. Водарским итоговые ведомости II-III ревизий, характеризующие размещение различных категорий податного населения в изучаемом регионе.¹⁵¹ Полнота данных, содержащихся в ведомостях, не вызывает сомнения.¹⁵² Также привлечены изданные Я.Е. Водарским и О.А. Шватченко перечневые ведомости к Алфавитам Сказок Генерального двора,¹⁵³ которые содержат сведения о дворовладении дворянских фамилий России на рубеже XVII-XVIII веков.

Крайне важным источником по аграрной истории России 1-й половины XVIII столетия являются отписные книги, составлявшиеся при конфискации имений. Часть отписных книг 1-й четверти XVIII века была опубликована К.В. Сивковым.¹⁵⁴ Книги содержат подробную информацию об общих размерах имения (нередко выделяются угодья по категориям — пашня, сенокосы, леса, рыбные ловли, бортные ужогаи, охотничьи угодья и т. д.), формах эксплуатации (с указанием площади барской запашки, крестьянских наделов, размеров и видов оброка), населенности крестьянского двора, составе семьи, крестьянском хозяйстве.¹⁵⁵

В качестве источника также привлекались многочисленные генеалогические справочники, позволившие дополнить и уточнить социально-чиновные характеристики ряда представителей дворянского сословия.¹⁵⁶

Несмотря на то, что значительная часть вышперечисленных источников уже использовалась в отечественной исторической науке для решения различных проблем, касающихся аграрной истории России,¹⁵⁷ следует признать тот факт, что их потенциал раскрыт далеко не полностью, и на их основе представляется возможным дать комплексный ана-

лиз эволюции имений дворянского сословия в Центральном Черноземье в 1-й половине XVIII столетия.¹⁵⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т.2. С.117-119,123-124,126-128,206; *он же.* История российских гражданских законов // *Неволин К.А.* Полн. собр. соч. В 6-ти т. СПб., 1857. Т.IV. С.159; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С.940-941,947,949-950. См. также: *Соловьев Я.А.* Об однодворцах // ОЗ. 1850. Т.69. С.95 отд. паг.; *Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. СПб., 1876. Т.1. С.305-306.

² *Васильчиков А.И.* Указ. соч. С.362,364; *Сергеевич В.И.* Указ. соч. С.950,952; *Блюменфельд Г.Ф.* О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884. С.218-219; *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Т.2. С.254-255; *Якушкин В.Е.* Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. М., 1890. Вып.1. XVIII век. С.4-6; *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права: Свод материала и приготовительные этюды для исторического исследования. СПб., 1870. С.238; *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993. Кн.2. С.525-530.

На слияние поместья и вотчины в единый тип земельной собственности также обратили внимание Я.А.Соловьев и Н.А.Благовещенский, однако данный факт рассматривался ими скорее как результат издания указа 1714 г., а не как итог длительного процесса (см.: *Соловьев Я.А.* Указ. соч. С.96 отд. паг.; *Благовещенский Н.А.* Четвертное право. М., 1899. С.89). Следует заметить, что процесс сближения статуса поместья и вотчины начинается еще до XVII века. В частности, в Уложении о службе 1556 г. принцип обязательной службы с земли распространялся не только на помещиков, но и на вотчинников.

³ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1888. С.218,477-478,481-483; *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Т.2. С.277; *он же.* История российских гражданских законов // *Неволин К.А.* Полн. собр. соч. Т.IV. С.324-350.

⁴ Частная собственность предполагает персонафикацию собственника как физического лица, индивидуума, обладающего полным правом на объект собственности. Это право выражается во владении, пользовании и распоряжении объектом собственности по своему усмотрению, а также в устранении вмешательства всех третьих лиц в ту сферу хозяйственного господства, на которую простирается власть собственника. Однако в России 1-й половины XVIII века, как будет показано дальше, право собственности на землю носило феодальный характер. Оно оставалось сословным, условным и ограниченным. Сохранились иерархия со-собственников, а также связь собственности с публично-правовыми отношениями.

⁵ *Лакшер А.Б.* О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. С.33-36.

⁶ *Шульгин М.М.* Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX вв. М., 1928. С.4-5.

⁷ Там же. С.3-6,9-10,17-18,144.

⁸ *Васильчиков А.И.* Указ. соч. С.443,445; *Шульгин М.М.* Указ. соч. С.18-21; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. соч. С.478.

⁹ *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С.115,154-157,238-239,243-247,256-257. Констатируя факт взаимосвязи служебных обязанностей дворянства и права на владение землей, историк, в отдельных случаях, указывает, что в 1-й четверти столетия дворянин начинает нести службу как представитель «известного» сословия (см.: Там же. С.117). Практически те же идеи высказывались И.Е.Германом (см.: *Герман И.Е.* История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649-1765). М., 1893. С.221-223,229,235-236; *он же.* История русского межевания: Курс. 2-е изд. М., 1910. С.148).

¹⁰ *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С.147.

¹¹ *Васильчиков А.И.* Указ. соч. С.305,364-365,387,425-426,430,457.

¹² *Сергеевич В.И.* Указ. соч. С.949,952-953; *Благовещенский Н.А.* Указ. соч. С.89; *Градовский А.Д.* История местного управления в России // *Градовский А.Д.* Собр. соч. В 9-ти т. СПб., 1899. Т.2. С.146.

¹³ *Якушкин В.Е.* Указ. соч. С.4-6,11,16-73,92-93; *Ключевский В.О.* Указ. соч. Кн.2. С.528-529.

¹⁴ *Богословский М.М.* История России XVIII века (1725 г. — 1796 г.). М., 1915. С.153.

¹⁵ *Ключевский В.О.* Указ. соч. Кн.2. С.158; *Неволин К.А.* История российских гражданских законов // *Неволин К.А.* Полн. собр. соч. Т.IV. С.282,293. По мнению Неволина, «свободное обращение имущество» было восстановлено в 1731 г. В царствование Анны Иоанновны и Елизаветы потомственные дворяне «обладали полной поземельной собственностью» на уездные земли, не приписанные к городу (Там же. С.293). Однако в другом месте исследователь указывает, что даже при Екатерине превращение дворянской поземельной собственности в «полную» не завершилось, хотя и был сделан значительный шаг в этом направлении (*Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Т.2. С.288).

¹⁶ Васильчиков А.И. Указ. соч. С.457; Богословский М.М. Указ. соч. С.312; Сергеевич В.И. Указ. соч. С.954,955; Якушкин В.Е. Указ. соч. С.201; Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.478; Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С.239; Лакиер А.Б. Указ. соч. С.34-36.

¹⁷ Отдельные историки (Г.Ф.Блюменфельд, К.А.Неволин, А.Б.Лакиер, В.И.Сергеевич) утверждали, что частная собственность существовала в России еще до XVIII века. См.: *Блюменфельд Г.Ф.* Указ. соч. С.127; *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Т.2. С.126-127,128; *Сергеевич В.И.* Указ. соч. С.949,947,941; *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С.35-36. Однако, по мнению А.И.Васильчикова, термин «частная собственность» в современном ему значении неприменим к древнерусской вотчине и вотчине удельного периода (*Васильчиков А.И.* Указ. соч. С.305-306). Той же позиции придерживался В.Б.Ельяшевич (*Ельяшевич В.Б.* История права поземельной собственности в России. Париж, 1948. Т.1. С.156-159,178,381).

¹⁸ *Сергеевич В.И.* Указ. соч. С.952-953; *Богословский М.М.* Указ. соч. С.72,91,153; *Ключевский В.О.* Указ. соч. Кн.3. С.157.

¹⁹ *Ключевский В.О.* Указ. соч. Кн.3. С.159-161.

²⁰ Рассматривая причины попыток проведения генеральной межевания, К.А.Неволин, И.Е.Герман, С.М.Соловьев, М.М.Шульгин обращали основное внимание на желание правительства прекратить «драки и споры на межах», которые были вызваны неопределенностью границ владения. В.О.Ключевский ограничивался упоминанием желания правительства Елизаветы «упорядочить дворянское землевладение» (*Герман И.Е.* История межевого законодательства... С.308-310; *Ключевский В.О.* Указ. соч. Кн.3. С.158; *Шульгин М.М.* Указ. соч. С.123; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т.23-24 // *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.ХII. С.97-98,102-103,193-194,514-515,558-559; *Неволин К.А.* Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II // *Неволин К.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1859. Т.VI. С.504).

²¹ *Герман И.Е.* История межевого законодательства... С.219,308-311; *Шульгин М.М.* Указ. соч. С.123; *Неволин К.А.* Об успехах... С.504.

²² *Иванов П.И.* Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846. С.57-59; *Герман И.Е.* История межевого законодательства... С.312,315,358-360,378-379; *Ключевский В.О.* Указ. соч. Кн.3. С.158-159; *Шульгин М.М.* Указ. соч. С.123-127; *Неволин К.А.* Об успехах... С.434,500,505,506,510,515-517; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т.23-24. С.611.

²³ См.: *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII-XX веков. СПб., 1996. С.187-257.

²⁴ *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. В 2-х т. 4-е изд. М., 1956. Т.1. С.115. См. также: *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948. С.94; *Свердлов М.Б.* Указ. соч. С.220-221.

²⁵ *Свердлов М.Б.* Указ. соч. С.257-319.

²⁶ *Барг М.А.* О природе феодальной собственности // ВИ. 1978. № 7. С.92,93,96,100; *Шапиро А.Л.* О природе феодальной собственности на землю // Там же. 1969. № 12. С.59-60; *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С.34; *Дембо Л.И.* Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954. С.100.

²⁷ *Дембо Л.И.* Указ. соч. С.86,87,100; *Колганов М.В.* Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962. С.412-414,417; *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С.34,35,38,39,41; *Венедиктов А.В.* Указ. соч. С.95,101,102-105,178,180,186 и др. Такие черты феодальной поземельной собственности, как иерархичность и наличие верховных прав государства на дворянские имения, признавались А.А.Преображенским и В.А.Роговым (см.: *Буганов В.И.*, *Преображенский А.А.*, *Тихонов Ю.А.* Эволюция феодализма в России. М., 1980. С.169, 244; *Рогов В.А.* История государства и права России IX – начала XX веков. М., 1995. С.162. См. также: *Корсунский А.Р.* Об иерархической структуре феодальной собственности // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С.145-174).

²⁸ *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С.39,41; *Данилова Л.В.* Понятие земельной вотчины в Средневековой Руси // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С.273,274; *Барг М.А.* О природе... С.62.

²⁹ *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С.38; *Барг М.А.* О природе... С.94,95 и др.

³⁰ *Свердлов М.Б.* Указ. соч. С. 262-265,316. См. также: *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С.54-57.

³¹ *Свердлов М.Б.* Указ. соч. С.302-303. См. также: *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С.38-41; *Венедиктов А.В.* Указ. соч. С.132-133.

³² *Шапиро А.Л.* О природе... С.61,71-72.

³³ *Преображенский А.А.* Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII – начала XIX века // ВИ. 1977. № 5. С.48,62; *Буганов В.И.*, *Преображенский А.А.*, *Тихонов Ю.А.* Указ. соч. С.169,170,244; *Венедиктов А.В.* Указ. соч. С.179; *Барг М.А.* О природе... С.95-96,101.

³⁴ *Барг М.А.* О природе... С.101; *Шапиро А.Л.* О природе... С.62-63.

³⁵ *Барг М.А.* О природе... С.102.

³⁶ *Милов Л.В.* Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С.436.

³⁷ *Барг М.А.* О природе... С.92-96, 101-102; *Новосельцев А.Н.*, *Паушто В.Т.*, *Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С.215 и др.; *Венедиктов А.В.* Указ. соч. С.132-133; *Поршнев Б.Ф.*

Указ. соч. С.39-40; *Шапиро А.Л.* О природе... С.65; *Преображенский А.А.* Указ. соч. С.46; *Колганов М.В.* Указ. соч. С.422,424,425.

³⁸ *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С.35. См. также: *Данилова Л.В.* Указ. соч. С.274.

³⁹ *Лященко П.И.* Указ. соч. Т.1. С.115,119-120.

⁴⁰ *Колганов М.В.* Указ. соч. С.412.

⁴¹ Там же. С.8,85,417,421 и др.

⁴² *Новосельцев А.Н.*, *Паушто В.Т.*, *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.214,218; *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С.38 и др.

⁴³ *Дембо Л.И.* Указ. соч. С.27,86.

⁴⁴ *Колганов М.В.* Указ. соч. С.421-422.

⁴⁵ *Венедиктов А.В.* Указ. соч. С.102-105.

⁴⁶ *Барг М.А.* О природе... С.91; *Данилова Л.В.* Указ. соч. С.254,266.

⁴⁷ См.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в Древней Руси // *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988. С.70-73.

⁴⁸ См.: *Torke H.-J.* Feudalismus // Lexikon der Geschichte Ruslands. Von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. München, 1985. S.118-120; Feudalismus // Wörterbuch zur Geschichte /K. Fuchs, H.Raab. München, 1990. S.241.

⁴⁹ *Strayer J.R.*, *Coulborn R.* The Idea of Feudalism // Feudalism in History /Ed. by R.Coulborn. Princeton, 1956. P.3-11; *Барг М.А.* Концепция феодализма в современной буржуазной историографии // ВИ. 1965. № 1. С.81-83,89-91. См. также: *Hintze O.* The Historical Essays /Ed. by F.Gilbert. N. Y., 1975.

⁵⁰ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С.89-90.

⁵¹ *Дюби Ж.* История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк, 987-1460. М., 2000. С.63-196; *он же.* Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе. М., 2000. С.138-154.

⁵² *Bloch M.* Feudal Society. Chicago, 1961. P.441-451.

⁵³ *Гуревич А.Я.* «Генезис феодализма» и генезис медиевиста: Злые мемуары в роли предисловия // *Гуревич А.Я.* Избр. тр. в 4-х т. М.; СПб., 1999. Т.1. С.20-21.

⁵⁴ *Гуревич А.Я.* Проблемы... С.8-12; См. также: *Блок М.* К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей: Человек в истории, 2001. М., 2001. С.76-80.

⁵⁵ Анализ и критику марксистской концепции феодализма см.: *Goehrke C.* Zum gegenwertigen Stand der Feudalismusdiskussion in der Sowjetunion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1974. Bd.22, Heft 2. S.214-247; *Baron S.H.* The Transition from Feudalism to Capitalism in Russia: A Major Soviet Historical Controversy // The American Historical Review. 1972. Vol.77, № 3. P.715-729; *Stankiewicz Z.* Some Remarks on the Typology of Transition from Feudalism to Capitalism in Agriculture // Acta Poloniae Historica. 1973. Vol.28. P.169-189; *Orchard G.E.* The Historiography of Russian «Feudalism» // The Rocky Mountain Social Science Journal. 1969. Vol.6, № 2. P.66-71.

⁵⁶ *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С.221-229,258-259.

⁵⁷ *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. М.-Тверь, 1999. С.15-16,161,180-189.

⁵⁸ Там же. С.180,189.

⁵⁹ *Гуревич А.Я.* Проблемы... С.9,53,187-190.

⁶⁰ См.: *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С.92.

⁶¹ *Orchard G.* Op. cit. P.66-71; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С.71-76.

⁶² *Torke H.-J.* Op. cit. S.119.

⁶³ *Murvar V.* Patrimonial-Feudal Dichotomy and Political Structure in Pre-Revolutionary Russia: One Aspect of the Dialogue Between the Ghost of Marx and Weber // The Sociological Quarterly. 1971. Vol.12, № 4. P.500-524.

⁶⁴ К числу заимствований В.Мурвар относит системы налогообложения, организации войска, почтовой службы, дворцовый и дипломатический этикет, право, помещицу систему и т.д. Также подчеркивается «татаризация российского дворянства». Правители России, заключает автор, были скорее «полноправными наследниками монгольских ханов», чем византийских базилиев (*Murvar V.* Op.cit. P.507-511,514,516 и др.). В этом же ряду находится утверждение Р.Пайнса, что «монголы и турки Золотой Орды... почти во всех отношениях культурно стояли выше русских» (*Пайнс Р.* Указ. соч. С.80). Подобные тезисы могут вызывать только удивление. Иную точку зрения см.: *Рязановский В.А.* К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // ВИ. 1993. № 7. С.155-163.

⁶⁵ *Горский А.А.* Феодализация на Руси: основное содержание процесса // ВИ. 1986. № 8. С.74-88; *он же.* Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9. С.17-28; *он же.* Дружинное государство. А был ли «феодализм» в Древней Руси // Родина. 2002. № 9. С.39-40. Первые сведения о частном не княжеском земельном владении относятся ко 2-й четверти XI века, а о церковном – ко 2-й половине XI века. В XII столетии данные о светских и церковных вотчинах становятся более многочисленными (*Горский А.А.* Феодализация на Руси... С.79).

⁶⁶ *Гуревич А.Я.* Проблемы... С.11-12,207-208. См. также: *Милов Л.В.* Великолукский пахарь... С.437.

- ⁶⁷ *Свердлов М.Б.* Указ. соч. С.316.
- ⁶⁸ *Гуревич А.Я.* Проблемы... С. 46-47,54-57,208-209.
- ⁶⁹ *Горский А.А.* Феодализация на Руси... С.83.
- ⁷⁰ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993. С.476-478,559,570; *Буганов В.И.* Российское дворянство // ВИ. 1994. № 1. С.29; *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988.
- ⁷¹ См.: *Бычкова М.Е.* Русское княжество и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996. С.62-77.
- ⁷² *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // ИСССР. 1991. № 4. С.57-58,60; *Эскин Ю.М.* Местничество в социальной структуре феодального общества // ОИ. 1993. № 5. С.46-47; *Милов Л.В.* Великоорусский пахарь... С.554-572. Данные идеи (в первую очередь, касающиеся решающей роли ордынского воздействия на государственность Руси) не являются бесспорными (ср.: *Рязановский В.А.* Указ. соч. С.155-163; *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С.187-189).
- ⁷³ *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Указ. соч. С.54-64. Ср.: *Гуревич А.Я.* Проблемы... С.221-222.
- ⁷⁴ *Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Указ. соч. С.169,244; *Преображенский А.А.* Указ. соч. С.46-62.
- ⁷⁵ *Милов Л.В.* Великоорусский пахарь... С.480.
- ⁷⁶ *Эскин Ю.М.* Указ. соч. С.39-53.
- ⁷⁷ *Милов Л.В.* Великоорусский пахарь... С.561-562.
- ⁷⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957. С.80-84; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С.77-78.
- ⁷⁹ *Преображенский А.А.* Указ. соч. С.46-62; *Мальшиев М.Ю.* Сословная политика правительства Анны Иоанновны (дворянство, крестьянство, духовенство). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С.14.
- ⁸⁰ *Лященко П.И.* Указ. соч. Т.1. С.399,402.
- ⁸¹ *Шаниро А.Л.* О природе... С.64; *Raeff M.* Origins of The Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. N. Y., 1966. P.108-109. Процесс образования российской бюрократии был достаточно полно исследован С.М.Троицким (*Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974).
- ⁸² *Мадариага И., де* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С.52,152,153. Анализ земельных отношений во 2-й половине XVIII века см.: Там же. С.182-187,721-743.
- ⁸³ *Raeff M.* Op. cit. P.69-70,108.
- ⁸⁴ *Виленский Б.В.* Лекции по истории государства и права СССР. Саратов, 1985. Ч.1. С.120. По данным А.П.Павлова, исследовавшего структуру Государева двора на рубеже XVI-XVII веков, вотчинное землевладение большей части знати уступало помещному. Поэтому утверждение Б.В.Виленского является спорным (*Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. С.201).
- ⁸⁵ *Мавердин В.В.* Экономический рост России, внутренняя и внешняя политика царизма в конце XVII – первой половине XVIII века. М., 1957. С.13. В другом месте В.В.Мавердин вполне справедливо подчеркивает служилый характер социальной структуры привилегированного сословия после петровских реформ (со времени Петра I, по его мнению, Россия становится «чиновничье-дворянской монархией со служилыми сословиями»). См.: Там же. С.83).
- ⁸⁶ *Преображенский А.А.* Указ. соч. С.50.
- ⁸⁷ *Павленко Н.И.* К вопросу об эволюции дворянства в XVII-XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С.56; *Дембо Л.И.* Указ. соч. С.199.
- ⁸⁸ *Мальшиев М.Ю.* Указ. соч. С.13-14.
- ⁸⁹ *Носов Б.В.* О праве распоряжения феодальной земельной собственностью в 60–70-е годы XVIII в. // Проблемы истории СССР. М., 1983. Вып. XIII. С.66-84; *он же.* Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-е гг. XVIII в.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. А.А.Преображенский считал, что в XVIII веке между дворянином и верховным собственником – государем отсутствовали какие-либо промежуточные звенья (см.: *Преображенский А.А.* Указ. соч. С.48). Данная позиция недооценивает роли и прав собственности такого важнейшего института феодального общества, как дворянский род.
- ⁹⁰ Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. М., 1992. С.139,140,142,157.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² На этот факт, а также на то, что окончательное оформление абсолютизма ущемляло положение всех сословий, в т.ч. дворянства, обратил внимание и М.Ю.Мальшиев (см.: *Мальшиев М.Ю.* Указ. соч. С.9-10).
- ⁹³ *Соколова Е.С.* Сословное законодательство Российской империи: основные тенденции развития на примере привилегированных и полупривилегированных сословий (середина XVII – середина XIX веков). Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1995. С.53-58,66,76,80-83,100-102,109.
- ⁹⁴ *Киприянова Н.В.* К вопросу о дворянском землевладении в законодательстве XVIII в. // ВМУ. Сер.8. История. 1983. № 1. С.57-61,64,66,68.

- ⁹⁵ *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975. С.272-292; *она же.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М., 1964. С.65,79.
- ⁹⁶ Отписные книги (1 четверть XVIII в.) // Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. /Подг. к печати К.В.Сивков. М., 1951; *Преображенский А.А.* Указ. соч. С.51; *Сивков К.В.* Отписные книги начала XVIII века как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.-Л., 1941. Сб. III. С.368-369.
- ⁹⁷ *Коланов М.В.* Указ. соч. С.485-486. Однако в другом месте автор утверждал, что в 1785 г. Екатерина II «передала поместья в частную собственность дворян» (Там же. С.429).
- ⁹⁸ В советской историографии практически не уделялось внимания попытке проведения Генерального межевания в царствование Анны Иоанновны. Исключение составляла работа М.Ю.Мальшиева, в которой основной причиной провала межевания называется сопротивление на местах со стороны дворян и «других участников поземельных отношений» (см.: *Мальшиев М.Ю.* Указ. соч. С.12). Однако следует отметить, что межевание даже не было начато.
- ⁹⁹ Рассматривать «укрепление дворянского землевладения» в качестве цели елизаветинского межевания можно только в смысле приведения к взаимному соответствию границ дворянских имений и крепостной документации (безусловно, что владение, освященное законом, является более прочным, чем незаконное), так как передел примерных земель противоречил имущественным интересам части сословия. Кроме того, весьма сомнительно, что правительство придавало меньшее значение прекращению захватов государственных земель, а также ведущих к снижению платежеспособности крепостных крестьян распрей и «драк на межах».
- ¹⁰⁰ Ю.Я.Коган подчеркивает, что одной из основных целей елизаветинского межевания была ликвидация недворянского землевладения (см.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. С.260). Однако автор не обратил внимания на то, что Межевая инструкция предусматривала владение землей и недворянами.
- ¹⁰¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. С.76,260,261; *Рахматуллин М.А.* Комментарии / *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т.23-24 // *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн. XII. С.631; *Марголин С.Л.* Генеральное межевание в России // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т.4. С.194. На тех же позициях стоял М.Ю.Мальшиев (см.: *Мальшиев М.Ю.* Указ. соч. С.12).
- ¹⁰² *Киприянова Н.В.* Указ. соч. С.63. См. также: *Колотинская Е.Н.* Правовые основы земельного кадастра в России. М., 1968. С.69.
- ¹⁰³ *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965. С.12-21; *Носов Б.В.* Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-е гг. XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. С.111-121.
- ¹⁰⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразование Петра I. М., 1954. С.47,189,190,200; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. С.80,83,84; *Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Указ. соч. С.160-161,167-168; *Мавердин В.В.* Указ. соч. С.12.
- ¹⁰⁵ *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996. См. также: *Шватченко О.А.* Землевладение и служба думных чинов в России. XVII – начало XVIII века. М., 1999.
- ¹⁰⁶ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV-XVI веках // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 41-87; *он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; *он же.* Служилые князья в русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. С. 28-56; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М., 1985; *Павлов А.П.* Указ. соч. См. также: *Bogatyrev S.N.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s-1570s. Helsinki, 2000.
- ¹⁰⁷ *Poe M.* The Russian Elite in the Seventeenth Century: A Quantitative Analysis of the «Duma Ranks», 1613-1713 // www.courses.fas.harvard.edu/~hst1505/seminars/PoeBK.pdf. К сожалению, к осени 2003 г. монография, изданной традиционным типографским способом, не существовало.
- ¹⁰⁸ *Ibid.* P.183-185.
- ¹⁰⁹ *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение) М., 1977; *он же.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 1988; *он же.* Рост распаханности Черноземного центра России в XVII – первой половине XVIII века // Историческая география Черноземного центра России. Воронеж, 1989. С.29-41; *он же.* Количество земли и пашни на душу мужского пола в Центрально-промышленном районе в XVII-XIX вв. // ЕАИВБ. 1965. М., 1970. С.237-245; *он же.* Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. С.70-107 и др.
- ¹¹⁰ См.: *Водарский Я.Е.* Население России... С.76,65. Прим.15; *Шенукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // ЕАИВБ. 1963. Вильнюс, 1964. С.390. См. также: с.33 настоящей работы и прим.132 к данной главе.

- ¹¹¹ *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм... С.216,219.
- ¹¹² *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С.133-171; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. С.199; *Пайнс Р.* Указ. соч. С.232; *Riasanovsky N.* A History of Russia. N. Y., 1963. P.261.
- ¹¹³ *Недосекин В.И.* Источники роста крупного землевладения на юге России в XVIII столетии // Из истории Центрально-Черноземных областей. Воронеж, 1967. С.252-325. (Известия ВГПИ. Т.63); *он же.* Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII века // Известия ВГПИ. Исторический факультет. Воронеж, 1955. Т.19. С.133-154; *он же.* Четвертное землепользование однодворцев Юга России в XVIII веке // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1961. С.105-113. (Труды ВГУ. 1960. Т.53, вып.1.); *Белявский М.Т.* Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную Комиссию 1767-1768 гг.). М., 1984; *Слюсарский А.Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины, XVII-XVIII вв. Харьков, 1964; *Новосельский А.А.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства // Из. 1938. Т.4. С.21-40; *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке: По материалам южных уездов России. Воронеж, 1974. См.: также: *Рабинович М.Д.* Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1953; *он же.* Однодворцы в первой половине XVIII в. // ЕАИВЕ. 1971. Вильнюс, 1974. С.137-145.
- ¹¹⁴ *Бураковская Н.И.* Вотчинные инструкции середины XVIII в. как источник по истории крепостного хозяйства (Характеристика инструкций Голицына 1767 г.) // Труды МГИАИ. М., 1961. Т.16. С.371-388; *Шапиро А.Л.* Хозяйство кромских крестьян (опыт сравнительного изучения описей XVII-XVIII вв.) // ЕАИВЕ. 1962. Минск, 1964. С.428-441; *Крутиков В.И.* Душевание и землевладение помещиков Тульской губернии в XVIII – начале XX в. // Там же. 1971. Вильнюс, 1974. С.186-194; *Петрова Л.И.* Наделенность земель и скотом крестьян Курской вотчины в XVIII-XIX вв. // Там же. 1964. Кишинев, 1966. С.375-385; *Алефиренко П.К.* Крупное вотчинное хозяйство графа М.Г.Головкина в России первой половины XVIII в. // Там же. 1959. М., 1961. С.137-152; *она же.* Отписная ведомость канцелярии конфискации как источник по истории помещичьего землевладения в России второй четверти XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С.307-309; *Троицкий С.М.* Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А.Д.Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. С.215-248; *он же.* О скупке земель А.Д.Меншиковым, А.В.Макаровым и И.А. и П.И.Мусиными-Пушкиными (Из истории крупного феодального землевладения в России первой трети XVIII в.) // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972. С.88-102; *Щенетов К.Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708-1885). М., 1947.
- ¹¹⁵ *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII-первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971; *он же.* Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М., 1990.
- ¹¹⁶ *Мировов Б.Н.* Применение выборочного метода при анализе движения хлебных цен XVIII в. в России // ЕАИВЕ. 1964. Кишинев, 1966. С.424-436; *он же.* Движение цен ржи в России в XVIII в. // Там же. 1965. М., 1970. С.156-163; *он же.* Причины роста хлебных цен в России XVIII в. // Там же. 1969. Киев, 1979. С.109-125; *Лялина Г.С.* К характеристике феодального землевладения во второй половине XVII в. // Труды МГИАИ. Т.16. С.397-407; *Павленко В.Н.* Ведомости XVIII в. о хлебных ценах как исторический источник // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С.301-306; *Троицкий С.М.* О дележе феодальной ренты между помещиками и государством // Там же. С.127-132; *он же.* О влиянии фискальной системы на положение крестьян в России в XVII-XVIII вв. // ЕАИВЕ. 1963. Вильнюс, 1964. С.283-295; *Милов Л.В.* О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. // Из. 1970. Т.85. С.207-267; *он же.* О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // ЕАИВЕ. 1961. Рига, 1963. С.279-288; *Кафенгауз Б.Б.* Некоторые вопросы генезиса капитализма в России // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С.5-13; *Шапиро А.Л.* Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма // Там же. С.14-53; *он же.* Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII-первой половины XVIII в. // ЕАИВЕ. 1959. М., 1961. С.52-68; *Павленко Н.И.* Указ. соч. С.54-75; *Индова Е.И.* Урожай в Центральной России за 150 лет // ЕАИВЕ. 1965. М., 1970. С.141-155; *Слободин В.М.* О возникновении и развитии паровой системы земледелия на территории России в период феодализма // Там же. 1963. Вильнюс, 1964. С.158-166; *Яцунский В.К.* Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. М., 1973; *он же.* Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // ЕАИВЕ. 1959. М., 1961. С.30-51; *он же.* Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 года // Там же. 1964. Кишинев, 1966. С.52-117; *Колесников П.А.* Типологическая классификация и группировка земельных угодий в период позднего феодализма // Там же. 1971. Вильнюс, 1974. С.98-109; *Горская Н.А., Милов Л.В.* Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII и второй половины XVIII вв. // Там же. 1964. Кишинев, 1966. С.173-192; *Сивков К.В.* Новые явления в технике и организации сельского хозяйства России во второй половине XVIII в. // Там же. 1959. М., 1961. С.153-162; *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; *Шенукова Н.М.* К вопросу о численности барщинных и оброчных помещичьих крестьян Европейской России во 2-й половине XVIII века // ЕАИВЕ. 1964. Кишинев, 1966. С.400-408; *Прохоров М.Ф.* Крепостное крестьянство России в 1750 – начале 1770-х годов. Автореферат дисс. ... доктора ист. наук. М., 1998.
- ¹¹⁷ *Милов Л.В.* Великолукский пахарь ...
- ¹¹⁸ См. перечень фондов в конце работы.
- ¹¹⁹ РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.2. Л.401-456 об.; Ф.248. Оп.13. Д.746. Л.311-336 об.
- ¹²⁰ РГАДА. Ф.248. Д.6746. Л.281-291. Материалы «Рассуждения...» П.Хераскова использовались Б.В.Носовым (см.: *Носов Б.В.* Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30-70-х гг. XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. С.117-120).
- ¹²¹ *Важинский В.М.* Указ. соч. С.88-93; *Герман И.Е.* История межевого законодательства... С.379-380.
- ¹²² РГАДА. Ф.248. Д.1360. Л.463,465; Ф.447. Оп.1. Д.641. Л.68 об.-69.
- ¹²³ *Цветков М.А.* Динамика лесистости Европейской России в XVIII, XIX, начале XX столетия. Дисс. ... доктора с/х наук. Б.м., 1953. Т.1. С.199.
- ¹²⁴ *Водарский Я.Е.* Рост распаханности... С.29-41; *он же.* Дворянское землевладение... С.39-40.
- ¹²⁵ *Водарский Я.Е.* Население России...; *он же.* Дворянское землевладение...; Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII – первая половина XVIII в. /Сост. Я.Е.Водарский, О.А.Шватченко. М., 1989 (далее – Дворянство); *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины...; *Воробьев В.М., Легтарев А.Я.* Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986; *Шенукова Н.М.* Об изменении... С.388-419.
- ¹²⁶ *Водарский Я.Е.* Население России... С.59.
- ¹²⁷ *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины... С.43.
- ¹²⁸ РГАДА. Ф.1209. Д.6188,6188 а,6190,6191,6195. Подробная характеристика источника, а также Алфавитов к Сказкам дана Я.Е.Водарским (см.: *Водарский Я.Е.* Население России... С.34-38).
- ¹²⁹ РГАДА. Ф.1209. Алф.661,662,664. Разница между Сказками и Алфавитами, по данным Я.Е.Водарского, составляет всего 0,3 % (см.: *Водарский Я.Е.* Население России... С.37).
- ¹³⁰ Дворянство. С.34-111; *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение...; *он же.* Население России...; *он же.* Правящая группа... С.70-107.
- ¹³¹ РГАДА. Ф.248. Д.1159,1161,1163,3519. Данные по Воронежской и Белгородской губерниям см.: Там же. Д.1163. Ч.1,2. Итоговая ведомость см.: Там же. Ч.2. Л.1013 об.-1014. Характеристику источника см. также: *Шенукова Н.М.* Об изменении...С.389; *Кабузан В.М.* Народы России... С.15-16.
- ¹³² На это обращает внимание и сам Я.Е.Водарский, указывая, что итоги подсчетов носили оценочный и общий характер (см.: *Водарский Я.Е.* Население России... С.76,65. Прим.15). Ср. данные в приложении 14 с публикацией Я.Е.Водарского (Дворянство. С.112-119). См. также: *Шенукова Н.М.* Об изменении... С.390.
- ¹³³ *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение... С.39,54 и далее; *он же.* Население России... С.57,64,65,77 и далее; *Кабузан В.М.* Народы России... С.15,16.
- ¹³⁴ *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719-1728 гг. Л., 1982. С.80,85,86,101,105,111.
- ¹³⁵ В тексте работы в качестве датировки используется 1725 г.
- ¹³⁶ Менее существенным является отсутствие данных по уездам с незначительным удельным весом дворянского землевладения: Вольновскому, Коротоякскому, Миропольскому, Новооскольскому, Оляшанскому, Салтовскому, а также Каменному. В итоговую ведомость Табели включены данные о 98,4 % душ м.п. (ср. с результатами I ревизии на 1751 г.) (см.: *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С.111).
- ¹³⁷ РГАДА. Ф.248. Оп.109. Д.158; Оп.117. Д.1464; Ф.264. Оп.2. Д.37; Ф.447. Оп.1. Д.541; Ф.453. Оп.1. Д.2094,2095.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.322,324,408-410,568-572,843-846,952-956,992-998,1289-1292,1299-1301,1360-1367,1500,1676-1682,1707,1708,1736-1739,1903-1906,1935-1941,2330-2333,2354-2355,2876-2884,2891,3402-3404,4060,4064,4074,4177-4180.
- ¹³⁹ РГАДА. Ф.453. Оп.1. Д.2095. Л.50; Ф.447. Оп.1. Д.541. Л.1. Характеристику прокурорских ведомостей как источника также см.: *Шенукова Н.М.* К вопросу... С.400-408; *Прохоров М.Ф.* Крепостное крестьянство России в 1750 – начале 1770-х годов. Дисс. ... доктора ист. наук. М., 1997. С.86-88.
- ¹⁴⁰ АРАН. Ф.489. Оп.1. Д.259; *Семеновский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1881. Т.1. С.46.
- ¹⁴¹ *Недосекин В.И.* Источники роста... С.278-279; *Рубинштейн Н.Л.* Указ. соч. С.27; *Шенукова Н.М.* К вопросу... С.400-408; *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С.62-63.
- ¹⁴² В материалах прокурорских ведомостей, ревизских сказок и Табели 1737-38 гг. также содержатся данные о владениях монастырей, церковей, государственных крестьян, в том числе и однодворцев, дворцовых вотчинах.

¹⁴³ Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. М., 1997. Т.3, ч.1. С.219.

¹⁴⁴ Ланно Ф.И. Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства (по материалам 3-й ревизии) // ЕАИВЕ. 1960. Киев, 1962. С.236-247.

¹⁴⁵ Изменения в административно-территориальном делении в течение 1-й половины XVIII века и карты региона см.: Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т.1. С.102-125; Водарский Я.Е. Население России... С.251,256-259.

¹⁴⁶ Обработка массовых источников производилась на базе электронных таблиц Excel 97, 2000.

Нецелые итоги округлялись на этапе занесения данных в приложение. По этой причине ряд результатов может казаться ошибочным. Пример см.: Приложение 31. Строка: «Потемкины». По данным на 1700 г. у представителей рода в Ряжском уезде было 37, а в Чернском — 9 дворов. При пересчете в души мужского пола (4,5 души м.п. на двор) получаем соответственно 166,5 (округленно — 167) и 40,5 (округленно — 41). Сумма округленных значений — 208. Однако суммарное число душ, принадлежавших Потемкиным согласно расчетам (166,5 + 40,5), равняется 207 (см.: столбец «1700 г. / душ м.п.»).

¹⁴⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Т.I-XVII.

¹⁴⁸ Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986; Проект Уложения 1754-1766 гг. Глава XXII. О дворянах и их преимуществах // Проект нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754-1766 гг. (Часть III «О состояниях подданных вообще») / Под ред. В.Н.Латкина. СПб., 1893. С.174-188.

¹⁴⁹ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726-1730 // Сб. РИО. СПб., 1888. Т.63; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Там же. СПб., 1898. Т.104; 1899. Т.106; 1900. Т.108; 1901. Т.111; 1902. Т.114; Юрьев, 1904. Т.117; 1905. Т.120; 1906. Т.124; 1907. Т.126; 1909. Т.130; 1912. Т.138.

¹⁵⁰ Документы по Межеванию 30-х гг. XVIII в. // МВ. 1884. № 7. С.49-52; № 8. С.53-63.

¹⁵¹ Переписи населения России: Итоговые материалы подворных переписей и ревизии населения России (1646-1858). М., 1972. Вып. III. С.111-165.

¹⁵² Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646-1858) // Переписи населения России: Итоговые материалы подворных переписей и ревизии населения России (1646-1858). М., 1972. Вып. I. С.18-19.

¹⁵³ Дворянство. С.34-91.

¹⁵⁴ Отписные книги (1 четверть XVIII в.) // Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951.

¹⁵⁵ См. также: Алевиренко П.К. Отписная ведомость... С.307-309; она же. Крупное вотчинное хозяйство... С.137-152

¹⁵⁶ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. В 4-х ч. СПб., 1854-1857. Ч. 1-4; Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892; Дворянские роды внесенные в общий Гербовник Всероссийской империи. В 2-х ч. / Сост. гр. А.А.Бобринский. СПб., 1890. Ч. I; Двор русских императоров в его прошлом и настоящем / Сост. Н.Е.Волков. СПб., 1900; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. В 2-х т. 2-е изд. СПб., 1895. Т.1-2; История родов русского дворянства / Сост. П.Н.Петров. В 2-х кн. М., 1991. Кн. 1-2; Дворянские роды Российской империи / Сост. П.Х.Гребельский и др. СПб., 1993. Т.1. Князья; Список пожалований графского и княжеского Российской империи достоинств за время от Петра Великого по 1881 год. СПб., 1889 и др.

¹⁵⁷ Работы упоминаются в ссылках к обзору источников.

¹⁵⁸ По теме исследования автором опубликованы следующие работы: Черников С.В. К вопросу о поместных дачах из Дикого поля и порожжих земель в первой половине XVIII в. // Вестник ЛГТУ-ЛЭГИ. 1999. № 3 (4). С.135-141; он же. К проблеме эволюции родовой структуры дворянского поместья-вотчинного фонда в Центрально-Черноземной России в 1-й половине XVIII века // Там же. 2000. № 1. С.55-57; он же. Размещение и структура дворянских имений в Центрально-Черноземной России в 1-й половине XVIII века // Там же. 2000. № 2. С.123-128; он же. Право однопольщиков на землю в проекте Уложения 30-х гг. XVIII в. // История крестьянства в России: Материалы шестнадцатой Всероссийской заоч. науч. конф. СПб., 2000. С.38-39; он же. Переворот 25 ноября 1741 г.: власть и собственность // Русь, Россия. Политические аспекты истории: Материалы двадцать четвертой Всероссийской заоч. науч. конф. СПб., 2002. С.39-43; он же. Этапы крепостнической колонизации Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII в. // Отмена крепостного права и судьбы русского крестьянства. К 140-летию отмены крепостного права. Материалы VI областных историко-философских чтений. Липецк, 2003. С.42-46.

ГЛАВА II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В 1-й ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

1. Особенности земельного права России 1-й половины XVIII в.

Основным экономическим содержанием феодальной собственности на землю являлись рентные отношения между зависимым крестьянством с одной стороны и сословием феодалов и государством с другой. Вместе с тем существует юридический аспект проблемы.

Характерной чертой феодального права, в том числе и позднего периода, было отсутствие четких границ между правом собственности и другими вещными правами (распоряжения, владения, пользования). Правосознание и законодательство России 1-й половины XVIII века так же, как и средневековое европейское право, использовали для обозначения обладания какой-либо вещью, объектом термин «владение». Отношения собственности (само понятие появляется в отечественном законодательстве только в 1767 г.¹) рассматривались лишь как более «твердое», более обоснованное, наследственное владение. В числе причин подобного положения дел необходимо отметить, что «в феодальном обществе преобладающую роль играло не право свободной, необремененной собственности, обеспечивающее его носителю... полноту всестороннего и исключительного господства над вещью, но разнообразные формы связанной, обремененной» и условной собственности.² Кроме того, феодальная собственность по самой своей природе предполагала множественность субъектов отношений собственности одновременно.³ Несмотря на существенное упрощение иерархии земельных собственников, к началу XVIII века между феодалом и верховным собственником — государем — сохранялось, промежуточное звено — дворянский род. Как следствие этого, собственность отдельно взятого представителя дворянского сословия в значительной степени была ограничена как правами рода, так и правами монарха.⁴ Вместе с тем, как справедливо замечал М.А.Барг, «перед лицом своих наследственно-зависимых крестьян» дворянин являлся носителем права «свободной, неделимой, безусловной» и полной собственности.⁵

Среди основополагающих черт феодальной собственности следует назвать и тесную взаимосвязь земельных отношений с публично-право-